

INSPIRIA

САЛЛИ ХЭПВОРС

хорошая сестра

Никому не верь.
Особенно сестре-близняшке.

INSPIRIA

Бестселлеры Буктока. Салли Хэпворс

Салли Хэпворс
Хорошая сестра

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

Хэпворс С.

Хорошая сестра / С. Хэпворс — «Эксмо», 2021 — (Бестселлеры Буктока. Салли Хэпворс)

ISBN 978-5-04-196231-9

Мировой бестселлер. Салли Хэпворс откровенно пишет о семейных секретах и хитросплетенных отношениях. Ее сюжеты наполнены дерзостью и очаровательно-мрачными красками. «Хорошая сестра» – это стильный покет с клапанами и дополнительными материалами к книге. Идеальный выбор, если вы не планируете спать до утра. «В героев Салли Хэпворс невозможно не влюбиться». – ЛИАНА МОРИАРТИ, автор бестселлера «Большая маленькая ложь» У каждого из нас есть темная сторона. Но мы никогда не знаем, кто включит в ней свет. Роуз и Ферн – сестры-близнецы, но их жизни сложились по-разному. У Роуз есть дом, муж и страстное желание стать матерью. Ферн работает в библиотеке, не любит яркий свет и боится громких звуков. Когда Роуз сообщает, что не может забеременеть, Ферн понимает, что должна помочь сестре. Даже если для этого придется родить самой... Она готова пойти на все, ведь много лет назад Ферн сделала кое-что очень-очень плохое, и все эти годы хорошая сестра надежно хранила ее секрет. Очень скоро Ферн начинает понимать, что совсем не знала свою сестру, и тогда причудливое сплетение их судеб превращается в петлю. «Мой психотерапевт прав. Если излить все мысли на бумаге, становится легче. Вот почему он дал мне этот дневник. Не уверена, что это поможет, но вот я уже пишу. Начать стоит с того вечера у реки...»

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-196231-9

© Хэпворс С., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Дневник Роуз Ингрид Касл	7
Ферн	9
Дневник Роуз Ингрид Касл	14
Ферн	17
Дневник Роуз Ингрид Касл	27
Ферн	30
Дневник Роуз Ингрид Касл	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Салли Хэпворс

Хорошая сестра

Посвящается Элоиз и Клементине.

*Спасибо, что дали возможность увидеть и понять великие чудеса
и (еще более великие) ужасы сестринских отношений*

Sally Hepworth
The Good Sister

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2021 by Alibi Literary, Inc

© Руснак К., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Дневник Роуз Ингрид Касл

Прошло три месяца с тех пор, как Оуэн ушел. Ушел или ушел от меня – не совсем ясно, как и многое другое в мире взрослых. Он устроился на работу в Лондоне, якобы это отличная возможность. Не то чтобы он звал меня с собой, но мы оба понимали, что поехать я не смогу. Еще одна штука из мира взрослых – ответственность. А в моем случае одна конкретная ответственность. Ферн.

Но позвольте начать все сначала, поскольку звучит, будто я ее виню. Это не так. Проблемы между мной и Оуэном на сто процентов, однозначно и целиком моя вина. Я совершила самый страшный из супружеских грехов – я изменилась. В одночасье, как только мне исполнилось двадцать семь лет, я превратилась из хорошо образованной, сильной личности в одну из тех жалких женщин, которые хотят ребенка с такой свирепостью, что это оттолкнуло моего мужа. Ненормальная, всюду таскавшая с собой наборы для определения овуляции, я то и дело сдавала сперму мужа на анализ и измеряла температуру тела. В прошлой жизни я с презрением смотрела на таких женщин со своей, как мне тогда казалось, высокой и фертильной колокольни. Но однажды я стала одной из них. Я давила, и давила, и давила... пока мой муж не ушел. Бросил меня.

Мой психотерапевт прав: если излить все мысли на бумаге, то правда становится легче. На сеансах мы почти не говорим об Оуэне. Вместо этого мы пятьдесят минут обсуждаем мое травмированное детство. По его словам, хороший способ справиться с травмой и оставить ее в прошлом – излить о ней душу на бумаге. Вот почему он дал мне этот дневник. Не уверена, что это поможет, но вот я уже пишу. Очевидно, привычку всем угождать не так легко искоренить.

Начать стоит с того вечера у реки. Мне было двенадцать. Мама встречалась с Дэниелом уже почти полгода, но мы впервые выбрались куда-то вместе. Дэниел взял с собой Билли, к нашему с Ферн восторгу, – мы всегда мечтали о брате и о том хорошем, что он с собой несет: бурное веселье, несокрушимая аргументация и симпатичные друзья. Поначалу мы хорошо проводили время. Даже лучше, чем хорошо. Впервые у меня появился такой шанс – стать частью нормальной семьи. Дэниел учил нас ловить рыбу, Билли учил играть в покер, а мама... она была совершенно другим человеком. Она напоминала нам наносить солнцезащитный крем и просила быть осторожными в реке, «потому что течение слишком сильное». Однажды она даже ласково обняла меня за плечи, когда мы сидели у костра. Она никогда не делала этого раньше. А я никогда не забуду, каково это – быть в маминых объятиях.

В последний вечер мы с Билли и Ферн пошли к устью реки. В воздухе висела дневная жара, и большую часть времени приходилось отмахиваться от комаров. Билли находился в воде – только там можно было хоть как-то спастись от изнуряющей жары. Обычно мы с Ферн тоже купались, но в тот вечер с ней было что-то не так. Она была в одном из своих настроений. Весь день я пыталась спросить ее, в чем дело, но когда она расстраивалась, то легко выходила из себя. Поэтому я решила оставить все как есть.

Мы провели у реки около часа, когда я ощутила зов природы. Билли не собирался вылезать из воды, поэтому я отправилась в лес. Ни за что в жизни не позволила бы ему видеть, как я писаю. Идти пришлось медленно: было темно, я была босиком, и шагать приходилось осторожно, а страх перед змеями отнюдь не помогал. Тем не менее на все про все у меня ушло не более пяти минут. Видимо, этого оказалось достаточно.

Когда я вернулась к реке, Ферн уже не было.

– Ферн! – позвала я. – Ты где?

Было странным не обнаружить ее там, где я ее оставила. Только минуту спустя я нашла ее у мелководья реки, в лучах лунного света. Она стояла до жути неподвижно. Билли нигде не было видно.

– Что ты?.. – Я шагнула к ней, и она подняла руки вверх.

Не успела я спросить, что происходит, как что-то всплыло на поверхность воды рядом с ней – серебряно-белая, неподвижная плоть.

– Ферн... – прошептала я, – что ты наделала?

Ферн

Каждый вторник по утрам в 10:15 я встаю за стойку регистрации в общественной Библиотеке Бейсайда. Это далеко не самый любимый мой пост здесь, но по вторникам я делаю исключение, поскольку отсюда лучше видно круглый зал для посетителей, где проходят чтения для детей. Мне нравится слушать, несмотря на раздражающий шум, суету и порой совершенно неожиданные проявления детских чувств. Сегодня Линда, наш детский библиотекарь, развлекает малышей выразительным пересказом «Трех поросят». В этот раз она включила изобретательность, решив отказаться от обычного чтения вслух и разыграть сказку, попеременно надевая то пушистую волчью голову, то голову свиньи с бледно-голубыми глазами и выпирающим пяточком.

В целом дети в восторге от ее выступления, за исключением одного визжащего новорожденного на плече у матери да мальчика в оранжевом джемпере, закрывшего уши и спрятавшего лицо на коленях у бабушки. Я тоже поглощена представлением, настолько, что не сразу замечаю у стойки женщину с заостренными ногтями кораллового цвета, прижимающую к себе охапку книг.

Я перекатываюсь на своем эргономичном кресле правее, не отрывая глаз от деток (которые в данный момент помогают Линде сдуть воображаемый соломенный домик), но женщина, к моей досаде, движется вместе со мной, фыркая и ерзая. Наконец, постукивая длинными ногтями по стойке, она не выдерживает и, прочистив горло, произносит:

– Прошу прощения!

«Прошу прощения», – повторяю я, мысленно прокручивая эти слова. Хм, непохоже, чтобы она о чем-то сожалела. Приходить и уходить посетители могут, когда им заблагорассудится – разрешения просить необязательно. Возможно, она извиняется за свое невежество, но я не слышала, чтобы она рыгнула или пустила газы, так что, думаю, дело не в этом. Поэтому я прихожу к выводу, что таким образом она использовала тот странный социальный ритуал, когда пытаются привлечь чье-то внимание. Но в наши дни люди до того нетерпеливы, что, не успеваю я открыть рот, как она спрашивает резким тоном:

– Вы здесь работаете или как?

До чего несообразительные иногда встречаются люди в библиотеке! Ради всего святого, зачем мне еще стоять за стойкой с именным бейджем, если я здесь не работаю? Хотя, признаю, я не совсем вписываюсь в обычное представление о сотруднике этого учреждения. Для начала, среднестатистическому библиотекарю лет сорок пять (согласно «Сборнику библиотекаря»), а мне двадцать восемь; одеваюсь я моднее и ярче, чем большинство моих коллег: цветастые футболки, блестящие кроссовки и длинные юбки или комбинезоны с радугами и единорогами. Волосы я заплетаю в две косы и каждую собираю в пучок по бокам (это не отсылка к принцессе Лее, хотя любопытно, выбрала ли она этот стиль за его практичность, как и я, чтобы длинные волосы не мешались). И тем не менее очевидно же, что я библиотекарь.

– Девушка, вы книги мне выдадите? – требует женщина.

– Желаете выписать эти книги? – спрашиваю я терпеливо. Сэкономила бы кучу времени, просто попросив меня об этом.

– А почему, по-вашему, я здесь стою? – вытаращила она глаза.

– Тому есть бесконечное количество причин, – отвечаю я. – Вы, наверное, заметили, что стоите непосредственно рядом с фонтаном – а это самое многолюдное место в нашей библиотеке. Может, вы остановились, чтобы отобрать документы, с которых вам нужно снять ксерокопии. Или любуетесь картиной Моне на стене за моей спиной – в чем я вас прекрасно понимаю, сама то и дело заглядываюсь. Или остановились на пути к выходу, чтобы завязать шнурки и в

очередной раз убедиться, что мужчина в разделе научной литературы не ваш бывший. Может, вы, как и я, пришли насладиться прекрасным исполнением Линдой «Трех поросят»...

Предположений еще много, но меня перебивает Гейл, спешно подбежавшая к стойке:

– Могу я вам помочь?

Гейл умеет появляться в подходящий момент. У нее пушистые светлые волосы, сильный парфюм, и она любит приносить мне лимоны со своего лимонного дерева. Стоило как-то сказать, что я люблю пить теплую воду с долькой цитрусового, и с тех пор не было и дня, чтобы Гейл не угощала меня лимоном. Я хотела попросить ее перестать это делать, но Роуз говорит, людям нравится доставлять мелкие радости, поэтому лучше просто поблагодарить и выбросить лимон, как бы странно это ни звучало. Но Роуз, как правило, в таких вещах всегда права.

– Наконец-то! – восклицает женщина и начинает свой рассказ о том, что ее сын забыл библиотечные книги в пляжном домике, в котором недавно провели дезинфекцию, поэтому забрать их удалось только вчера, и теперь ей грозит штраф, а она хотела бы продлить их аренду, но на них уже двадцать семь резервов, двадцать семь! Что касается историй, как избежать штрафа за не сданную в срок книгу, рассказ этой дамочки вполне безобиден. Недавно один джентльмен объяснял мне, что его дочь взяла наш экземпляр «Одиссеи» с собой во время похода в Анды и оставила его в одной горной деревушке матери новорожденных близнецов, чей муж не так давно скончался. Меня поразило, что женщина из глуши настолько хорошо владела английским, что могла читать саму «Одиссею», да еще и в одиночку воспитывая двоих детей где-то на горных вершинах. (Гейл, конечно, простила ему этот штраф.)

В библиотеке я работаю четыре дня в неделю, плюс два воскресенья в месяц. Если нет дождя, как сегодня, то на работу иду пешком, все тридцать пять минут пути слушая аудиокнигу, и прихожу как минимум за пятнадцать минут до начала смены. Если идет дождь, то сажусь на автобус и приезжаю в то же время. Весь день я помогаю посетителям выбирать книги, обрабатываю возвраты и всячески избегаю вопросов о копировальном аппарате. По определенным дням делаю новые закупки, оборудую конференц-залы для бесед с авторами или общественных собраний и собираю заказы для нашей службы доставки книг на дом. Я стараюсь избегать бесед, не касающихся книг, хотя иногда позволяю Гейл завлечь себя разговорами о ее саде или внуке, потому что Роуз говорит, что нужно быть вежливыми с теми, кто нравится.

Слушая, как Гейл отменяет штраф для дамы с ногтями кораллового цвета, краем глаза я замечаю, как через автоматические двери в библиотеку заходит молодой человек в очках с толстыми стеклами и шапке в красно-белую полоску. Скорее всего, бездомный, судя по слишком свободным джинсам и полотенцу, перекинутому через плечо. Направляется в душевую. В Библиотеке Бейсайда есть две душевые комнаты (благодаря тому что раньше здесь располагалась больница), так что отнюдь не редко бездомные приходят сюда принять душ. Увидев здесь бездомного впервые, я была поражена, но это было до прихода Джанет – моей бывшей начальницы. Она научила меня, что библиотека принадлежит каждому. «Библиотека, – говорила она, – это одно из немногих мест в мире, где не обязательно платить за что-то или верить во что-то, чтобы войти, и работа библиотекаря заключается в том, чтобы заботиться о тех, кто сюда приходит». Я отношусь к этой обязанности со всей серьезностью, за исключением случаев, когда посетителям требуется помощь с ксероксами – тогда я обхожу их стороной.

Я достаю свою сумку и следую за парнем к душевым. Он высокий – очень высокий – и долговязый. Со спины да еще в этой полосатой шапке с помпоном он напоминает маленького Уолли из «Где Уолли?».

– Уолли! – зову я, когда он заходит в небольшой вестибюль – душное, отделанное плиткой помещение без окон, ведущее к мужским и женским уборным. Как правило, я всячески избегаю этого места, но, когда этот парень вошел, я почувствовала неожиданный призыв посмотреть своим страхам в лицо.

– Душевой хотели воспользоваться?

Он оборачивается, удивленно приподнимая брови, но ничего не отвечает. Я подумала, вдруг он плохо слышит? В нашей библиотеке есть целое сообщество слабослышащих. Я повторяю вопрос громко и медленно, позволяя ему читать по губам.

– Да? – произносит он наконец, будто бы вопросительно, а не в ответ на мой вопрос.

Я вдруг засомневалась в своем импульсивном порыве следовать за ним. Я стала относиться к бродягам с большей настороженностью с тех пор, как однажды во время вечерней пересменки передо мной обнажился мужчина. Я была в секции «М» Художественной литературы, заменяла экземпляр книги Иэна Макьюэна «Искушение», как вдруг на уровне глаз возник пенис. Я предупредила Гейл, она вызвала полицию, но к тому времени, как они приехали, мужчина застегнул ширинку и, шаркая, удалился восвояси. «Надо было захлопнуть его между страницами этой толстой книги», – сказала тогда Гейл, что показалось мне весьма негигиеничным, не говоря уже о чистоте самой книги. Я ей так и сказала, на что она предложила мне использовать «рубящий удар каратиста», что не является ни настоящим приемом карате (у меня черный пояс), ни чем-то, что я бы применила, поскольку карате проповедует пацифистскую философию.

Я занимаюсь карате со второго класса, с тех пор как прошла пробные занятия и наставник тогда сказал, что у меня «прекрасные движения» (весьма странное замечание, учитывая, что в ката все движения странные и неестественные). Тем не менее я обнаружила, что мне это очень нравится – последовательность, определенный порядок, структура и даже физический контакт, всегда тесный, если не жесткий; и даже выкрики «киай», хоть и громкие, но вполне ожидаемые. Так что двадцать лет спустя я все еще занимаюсь карате.

– Что ж, тогда держите. – Я достаю из сумки маленький пакетик с туалетными принадлежностями и протягиваю его Уолли. Парень берет пакетик и держит его подальше от себя, так, будто там тикающая бомба. – Что это?

– Там зубная паста и щетка, пенка для лица и мыло, а также бритва и крем для бритья.

Кажется, я выразилась яснее некуда, однако Уолли по-прежнему выглядит озадаченным. Я внимательно его изучаю: перегаром от него не разит, глаза не косят; одежда хоть и велика, но не шиворот-навыворот. А вот о его вменяемости судить сложно.

– Вы что... назвали меня Уолли?

Голос у парня приятный, он четко выговаривает каждое слово – что уже является неожиданным удовольствием в мире, где люди вечно бормочут и глотают буквы.

– Да, – отвечаю я. – Вы похожи на Уолли из «Где Уолли?». Вам раньше не говорили?

Парень не подтверждает, но и не опровергает это, поэтому я решаю объяснить подробнее.

– Ну, знаете, «Где Уолли?». Книга такая. – Я улыбаюсь, потому что Роуз говорит, что принято улыбаться, когда подтруниваешь (обмен дружескими и шутливыми замечаниями), а это, как по мне, и есть подтрунивание.

Уолли не улыбается.

– Вы хотели сказать «Где Уолдо?»?

Неожиданно до меня доходит, что Уолли американец – это объясняет и акцент, и его замешательство.

– Вообще-то нет, я имею в виду «Где Уолли?». Изначально книга называлась «Где Уолли?» и вышла в Великобритании в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году. С тех пор эту книгу издавали по всему миру, и имя Уолли в разных изданиях часто меняли. Например, в Соединенных Штатах и Канаде его зовут Уолдо, во Франции – Чарли, в Германии – Уолтер, в Турции – Али, в Израиле – Эфи, а в Норвегии – Вилли.

Уолли изучает меня озадаченно. Взгляд его направлен куда-то левее, будто через мое плечо.

– Что ж, а в Австралии он Уолли, – говорю я.

– Понятно. – Он переводит взгляд на пакет с туалетными принадлежностями. – Значит... это предоставляет библиотека?

– Нет, – отвечаю я, улыбаясь шире. – Это от меня.

Зрачки болотного цвета глаз Уолли под очками медленно двигаются то влево, то вправо.

– Правда?

– Да. Сестра приносит мне такие, когда возвращается из путешествий. Ну, знаете, их выдают бесплатно в самолетах.

– Знаю, да, – отвечает Уолли, что заставляет задуматься над точностью моего предположения о том, что он бездомный. В моей жизни бывали случаи, когда я чудовищно ошибалась. Я начинаю осматривать Уолли более внимательно. Джинсы на нем слишком широкие и короткие и, судя по обтрепанным краям, укорочены вручную. Фланелевая рубашка выглядит лучше и застегнута до последней пуговицы на шее. И хотя в целом выглядит он неряшливо, никаких странных запахов не источает, даже в этом тесном вестибюле. Смотрю на его ногти – чистые. Необыкновенно чистые, на самом деле. Отполированные, розовые и округлой формы, на каждом пальце кутикула в форме идеального полумесяца. Да этот парень мог бы работать моделью рук!

– Прошу прощения, я подумала, вы бездомный. – Я перестала улыбаться, чтобы показать, что не шучу. – Боюсь, такое впечатление у меня сложилось из-за ваших джинсов. И шапки, конечно.

Парень воззрился на меня. Я не из тех, кто уклоняется от вызова, поэтому смотрю на него в ответ. Пару лет назад я прочитала одну книгу для тех, кому сложно устанавливать зрительный контакт. К своему большому удивлению, я в этом деле преуспела. Оказалось, что игры в «кто кого переглядит» не приносят того дискомфорта, что обычный зрительный контакт. Не нужно думать над тем, как долго смотреть, когда отвести взгляд или как часто моргать. Все, что нужно, так это просто зафиксировать взгляд на собеседнике, а мысли пусть блуждают, где им угодно. Этим я могу заниматься часами. По правде говоря, однажды я даже победила в этом мистера Робертсона, нашего постоянного посетителя и хорошего соперника, он сдался на тридцать седьмой минуте. Думаю, Уолли, более молодой и с виду хваткий, окажется соперником лучше, но, к моему разочарованию, менее чем через десять секунд он отворачивается.

– Пф-ф-ф, любитель.

Уолли открыл было рот, чтобы что-то сказать, но дверь за моей спиной распахивается, и я вынуждена шагнуть вперед. Внутри протискивается мальчик в оранжевом джемпере из группы детских чтений, а за ним по пятам его бабушка и какая-то женщина, толкающая перед собой коляску для двойняшек. Очевидно, чтения закончились. Гомон детворы снаружи усиливается.

– Что не так с моей шапкой? – спрашивает Уолли, когда дверь снова открывается и к нам заходят еще одна девочка и ее мать. Здесь становится тесновато. Мальчик в оранжевом джемпере прыгает, громко заявляя: «Сейчас лопну!», не обращая при этом ни к кому конкретно. Но неожиданно он замечает Уолли.

– Уолли! – визжит мальчишка восхищенно.

Уолли смотрит на меня, а я пожимаю плечами – такой невербальный жест, который, я видела, люди используют, когда хотят сказать: «Я же говорил».

В тесном вестибюле, переполненном людьми, становится слишком шумно. Я затыкаю уши руками.

– Это комплимент! – отвечаю я, перебивая шум. – Уолли любят по всему миру, хоть он и странноват. Хотя, может, он и не странный, а просто так выглядит? Как вы!

Уолли водрузил очки обратно на нос, и я по губам прочла: «Простите?»

– Вам не нужно просить прощения! – кричу я, двигаясь к двери. – Библиотека – это общественное место, можете приходить и уходить, когда заблагорассудится.

Дверь снова распахивается, в этот раз в вестибюль туалета заходит пожилой мужчина, толкая перед собой ходунки. Я уже почти вышла, как вдруг в голову приходит мысль, и я оборачиваюсь.

– О, а если вы рыгнули или пукнули, я ничего не слышала, так что за это извиняться тоже не стоит!

И с этими словами я машу ему рукой и удаляюсь.

Когда нам было по пять лет, мама водила нас с Роуз в библиотеку каждый день, целый год. Она говорила, что там можно получить образование куда лучше, чем в школе, и я с ней полностью согласна. Если бы это зависело от меня, то каждый ребенок ходил бы сначала год в библиотеку, а потом уже в школу. И не только чтобы читать, но и просто бродить по разным секциям. Дружить с библиотекарями. Стучать пальцами по клавиатуре компьютеров и перелистывать страницы книг, на ходу придумывая свои истории в чудесном детском воображении. Мир стал бы намного прекраснее.

Мне в этом плане повезло. Сегодня исследователи, кажется, говорят, что эксплицитная память не формируется до возраста семи лет, но у меня есть пара ясных воспоминаний и с пятилетнего возраста. Помню, как мама, Роуз и я просыпались ни свет ни заря, в спешке накидывали одежду и мчались на автобусную остановку. Из-за такого нетерпения мы зачастую приезжали до открытия библиотеки и коротали время, сидя на скамейке у входа, или, если шел дождь, прятались под навесом, дочитывая книги. Как только двери открывались, мы с Роуз бросали книги в ящик для возврата и мчались выбирать себе кресла-мешки на день (я любила хлопковые – виниловые были колючими). Мама никогда не сидела на мешках, она предпочитала кресла или стулья в другом конце библиотеки. Бывало, что мы не видели ее целый день. Это была часть веселья. Мы сами ходили в туалет, сами ходили к фонтанчикам для питья. На территории библиотеки мы сами решали, что и когда делать.

Спустя несколько недель одна из библиотекарей, миссис Делаханتي, начала проявлять к нам интерес. Во-первых, она дала нам рекомендации по книгам. Потом дала нам с Роуз листы, чтобы мы записывали названия всех книг, которые прочитали. Она сказала: если прочтем сто книг, то получим книгу из библиотеки в подарок! И вот так, записывая названия книг, мы с Роуз и научились писать. Иногда мы с сестрой обсуждали, что почитать дальше, и тогда миссис Делаханتي подходила и предлагала свои варианты.

– Девочки, вам понравился «Груффало»? В таком случае, думаю, вам понравится «Там, где живут чудовища».

А после она задавала нам вопросы. «Как думаете, Макс правда убежал? Что, по-вашему, на самом деле произошло?» Миссис Делаханتي говорила, что, отвечая на вопросы, можно лучше понять прочитанное. Постепенно она выбирала для нас все более сложные книги, и уже к концу года у нас был словарный запас двенадцатилетних детей! По крайней мере, так она говорила. Поэтому на следующий год мы пропустили подготовительный курс и сразу перешли в первый класс. Мама очень нами гордилась. Многие говорили: «Какая у вас замечательная мама!» или «Ваша мама, должно быть, много для вас читала!».

Когда я услышала это в первый раз, то хотела было возразить, что это не мама проводила с нами время за чтением, но тут Роуз стукнула своим браслетом по моему. Дело в том, что, когда мы родились, мама подарила нам браслеты – на моем был выгравирован папоротник, а у Роуз – роза. И каким-то образом с годами мы научились общаться без слов, при помощи этих украшений. В случае предупреждения сестра стучит своим браслетом по моему, мол, остановись. Эта система срабатывает почти всегда. Лишь однажды Роуз не смогла уберечь меня от неверного шага, и эта ошибка будет преследовать меня до конца жизни.

Дневник Роуз Ингрид Касл

Сегодня мы с терапевтом углубились в вопрос моей тоски и заветного желания завести ребенка. Я говорила о том, что это физическое чувство, как голод или боль. Как утрата. Мой терапевт считает, что это идет из детства – желание сделать правильно то, что не смогла сделать моя мать. Попытка исцелить себя. Может, он и прав.

Пока разговор шел в этом направлении, он попросил меня рассказать о самом раннем болезненном воспоминании. Я не сразу его обнаружила, – должно быть, оно было похоронено далеко в пыльных глубинах моего подсознания, – но теперь, когда я его извлекла, я не могу перестать о нем думать. Мне было пять лет, всего год после ухода папы, не то чтобы я хорошо помнила его уход. Первые отрывки воспоминаний, которые я все еще храню, о том времени, когда мама водила нас в библиотеку. Ферн тогда была счастлива! Она вспоминает тот год с такой нежностью – как библиотека стала ее домом, как она открыла для себя скрытые миры на страницах книг, что именно благодаря этому стала библиотекарем. Мне аж кричать хочется. Иногда я задаюсь вопросом: может, как в тех приключенческих книгах, что мы читали взахлеб, мы обе жили параллельными, альтернативными жизнями?

Хотите знать, что мне запомнилось из того года? Как мы спали на диванах, пропахших псиной; как меня подняли посреди ночи и увезли из нашей старой квартиры, не разрешив взять с собой ни одной игрушки, даже мистера Медведя, хотя я так умоляла маму; как мы каждое утро таскали полосатые полиэтиленовые пакеты из чужих домов и клали их в багажник маминой маленькой машины, отправляясь в следующий пункт назначения, неведь куда; как каждое утро я просыпалась с болью в животе – как я потом поняла, от голода и страха.

Знаете, что самое забавное? Думаю, Ферн даже не подозревает, что весь тот год мы были бездомными. Она, наверное, убедила себя, что это было приключение или просто своеобразный жизненный опыт. А может, вообще не задумывалась над этим. Она умела принимать жизнь такой, какая она есть, а не подвергать ее сомнению. Иногда – да что там, каждый день, – я ей в этом завидую.

Очевидно, отец был виноват в том, что мы оказались на улице. После его ухода мама не могла самостоятельно платить за квартиру. Она говорила, что арендодатель брал так много, что ни один честный человек не смог бы себе этого позволить. И поэтому нам пришлось улизнуть оттуда посреди ночи с тем лишь, что смогли унести с собой. Следующие двенадцать месяцев мы жили в машине, на диване или на полу в доме у тех, с кем мама на тот момент дружила. К счастью, мама умела заводить друзей.

– Девочки, это Нэнси! Мы познакомились в парикмахерской! – восторженно знакомила она нас, а через пару дней мы уже жили в доме Нэнси и называли ее «тетя Нэнс». Недели или две спустя мы ее больше никогда не видели, чего не скажешь про украшения и вещи, которые та давала маме поносить. У нас всегда была крыша над головой, и мама очень этим гордилась. Каждый вечер перед сном она напоминала нам об этом.

– Я делаю все это для вас, девочки, вы же знаете, да? Чтобы вам было где жить. Если бы не вы, я бы легко нашла себе жилье. Вот как сильно я вас люблю.

– Спасибо, мамочка.

– И кого вы любите?

– Тебя, мамочка.

Шли месяцы. Днем библиотека, ночью чей-то диван. Не все было плохо. В библиотеке мне тоже кое-что нравилось. Нравилось, что каждое утро было куда пойти и не приходилось вести светские беседы с тем, у кого мы ночевали. Даже тогда я понимала, как стыдно занимать место в чужой жизни. Мне нравилось теряться в закоулках библиотеки, воображая, что это мой дом. Нравилось, что это общественное место – место, где мы были в безопасности, по крайней

мере на несколько часов. Мне миссис Делаханتي тоже нравилась, хоть и не так сильно, как сестре. Время от времени, когда она читала нам, я фантазировала, что миссис Делаханتي – это наша мама. Помню день, когда она читала нам «Большой красный пес Клиффорд». Закончив, вместо того чтобы задавать вопросы о том, что мы услышали и поняли, как она обычно делала, она спросила нас, позавтракали ли мы тем утром.

– Не-а, – ответила Ферн. – Любому человеку достаточно кушать дважды в день, а если кушать больше, то ты обжора.

Она повторила мамины слова, конечно. Помню, как украдкой взглянула на маму, занятую чтением журналов, и желудок свело.

Затем миссис Делаханتي спросила, где мы спали.

– На диване, – ответила Ферн. Она не выражала ни намека на беспокойство. Помню, я тогда подумала, как же здорово – не понимать всего. И как опасно.

Миссис Делаханتي в лице не изменилась, но голос ее повысился на тон.

– О, и чей же это диван?

Ферн пожала плечами.

– Смотря чей дом.

Библиотекарь посмотрела на меня. Я опустила взгляд в пол.

Немного погодя миссис Делаханتي встала и подошла к маме. Я зарылась головой в книгу, боясь смотреть. Через несколько минут мама подошла и сказала, что нам пора уходить.

– Кто сказал библиотекарю, что мы бездомные? – спросила мама, когда мы вышли на улицу. Мы стояли по обе стороны от нее, держа ее за руки. Помню эту деталь, потому что она необычная. Мама любила, чтобы мы с Ферн держались за руки вдвоем – завидев нас, прохожие мило улыбались, и, казалось, это делало маму счастливой.

– Кто сказал библиотекарю, что мы бездомные? – повторила она.

Голос ее прозвучал резко, и помню, как Ферн начала беспокойно ерзать и повторять слово «бездомные» в своей странной манере. Мы свернули за угол на тихую улицу, и мама снова спросила, впившись ногтями в мою ладонь.

– Миссис Делаханти... она спросила нас... – начала я.

– Значит, это ты? – Мама резко повернулась ко мне.

Я посмотрела на Ферн. Она была напугана и растеряна. Она никому не сказала, что мы бездомные; не использовала конкретно это слово. Она не понимала, что это ее вина.

Я кивнула.

Мама отпустила наши руки и наклонилась.

– Ты глупая, глупая девчонка! Эта женщина, может, и милая, но она хочет забрать вас у меня. Ты этого добиваешься?

Я покачала головой.

– Хочешь в приемную семью, к какой-нибудь ужасной тетке, которая не будет тебя любить? И больше никогда меня не увидеть?

Ее лицо исказилось в гримасе ярости, брызги слюны полетели мне в глаза.

– Нет! – закричала я. Конечно, я хотела быть с ней. Моим самым большим страхом была разлука с мамой. Она была права, а я была просто глупой. – Прости, прости меня, мамочка!

– Пойдем домой, Ферн, – сказала она, схватив Ферн за руку.

Я побежала за ними, пытаюсь взять маму за руку, но она убрала ее в карман. Я шла за ними всю дорогу до дома и плакала. Мама даже не вздрогнула, когда я бросилась к ее ногам, при этом сильно ушиблась коленом.

Когда мы вернулись домой, – не помню, у кого мы остановились и почему их не было там тем вечером, – мама приготовила ужин на двоих. Когда я спросила, могу ли я немного поесть, она повела себя так, будто меня там не было. После этого она искупала Ферн и прочитала ей сказку на ночь. Мама редко нас купала и никогда не читала нам сказки. Я забралась на диван,

чтобы послушать, но мама так грубо меня оттолкнула, что я упала на половицы, ударившись большим коленом. Я плакала так сильно, что болел живот, но она продолжала читать. Закончив, она уложила Ферн и вышла из комнаты.

Каким-то образом я поняла, что в кровать лезть не нужно, и в конце концов так и уснула на полу. Когда я проснулась, Ферн лежала рядом, обнимая меня худенькими ручками и зарывшись лицом в мои волосы. Она притащила одеяло и подушку с кровати и соорудила вокруг нас маленькую постель. Она держала меня в своих объятиях всю ночь до утра.

Многие думают, что я защитник Ферн. Но на самом деле каким-то странным, но забавным образом это она была моим защитником.

Ферн

Ровно в 18:15 я открываю белую калитку из штакетника во двор Роуз и Оуэна и шагаю по дорожке из красного кирпича. Я ужинаю у Роуз по понедельникам, вторникам и четвергам, если только она не уезжает в командировку или не задерживается на работе, в таком случае мы все отменяем. Попытки перенести ужин на другой вечер, как показал печальный опыт, не увенчались успехом. Строгий распорядок дня – это краеугольный камень моего спокойствия и уравновешенности. У Роуз и Оуэна прекрасный дом, будто с обложки журнала «Дом и сад», даже несмотря на то что газон уже не такой ухоженный, как до отъезда Оуэна. Он косил и подравнивал траву раз в две недели в зимний сезон и еженедельно летом, но сейчас он работает и живет в Лондоне. Тем не менее газон – это единственное, что омрачает картину. Промасленный пол веранды подметен; рядом с дверью стоит плетеная корзина для зонтов, рядом с корзиной – обувница, а на ней перевернутой стоит пара неношенных красных резиновых сапог. Роуз очень гордится тем, как она ведет дом и хозяйство, говорит, это все идет из детства, что, мягко говоря, звучит странно. Я тоже придерживаюсь высоких стандартов порядка и чистоты в своем доме, но примером для журналов меня не назовешь.

Одним прыжком я преодолеваю три парадные ступеньки. Когда я открываю дверь, меня встречает Альфи, и я опускаюсь на колени, чтобы погладить его. Даже пес у них идеальный: с блестящей шерстью и смешным красным ошейником с платком на шее.

– Привет, Альфи! – приветствую я его, и он запрыгивает ко мне на колени, а когда я встаю, с восторгом бегаёт вокруг меня. Когда Роуз с Оуэном взяли пса, сестра настаивала, что тот должен жить на улице.

– Видела когда-нибудь, чтобы собаки породы кавалу жили на улице? – шепотом спросил меня Оуэн.

– Никогда, – ответила я, – но и других кавалу, кроме вашего, я не знаю, так что это вопрос с подвохом.

На кухне Роуз сидит на корточках перед духовкой с двумя огромными рукавицами на руках, наблюдая за курицей на гриле.

– Я пришла! – объявляю я.

Роуз вздрагивает, едва не упав вперед на плиту.

– Ферн! Ты напугала меня до смерти!

Роуз встает, глядя на меня хмуро. Хмуриться она умеет. Даже когда смеется, между ее бровями пролегают две маленькие вертикальные линии, будто ее лицо боится чрезмерно веселиться. Оуэн говорил, это потому, что она постоянно обо всех беспокоится. Я знаю, она за него переживает. Знаю, потому что всякий раз, когда она говорит о его работе в Лондоне, то улыбается чересчур широко и затем резко меняет тему. А еще Роуз очень беспокоится обо мне. Как-то раз я услышала, как она сказала кому-то по телефону, что из-за меня поседела (хотя волосы у нее вовсе не седые, к тому же из-за стресса волосы не седеют; однако стресс может привести к телогеновой алопеции – это такое состояние, когда волосы выпадают в три раза сильнее, так что из-за меня она могла облысеть, но никак не поседеть).

– Принесла молоко? – спрашивает Роуз. На ней белая рубашка и черные кожаные штаны, по дому она ходит босиком. Она всегда носит какие-нибудь вариации черно-белого, изредка может добавить в свой гардероб оттенки бронзового или бежевого. (Я бы местами добавила стразы.) Роуз – дизайнер интерьера, но «из тех, кто разрабатывает дизайн офисных помещений, а не из тех, кто подбирает декоративные подушки». Исходя из того, как часто и горячо она это акцентирует, я делаю вывод, что для нее это важное отличие. А потому я никогда не упоминала, как сильно люблю декоративные подушки.

– Молоко? – повторяет она, пока я смотрю на нее, недоуменно моргая. – Я звонила тебе полчаса назад. Ты сказала, что заскочишь по пути в продуктовый.

Интересно. Я ничего такого не помню. Для такого привередливого и требовательного человека я бываю порой на удивление рассеянной. Это странно. У меня фотографическая память на имена и лица, я могу найти любую книгу в библиотеке по одному только имени персонажа или описанию обложки, но зачастую, выходя по утрам из дома, оставляю дверь настежь открытой. (Соседка миссис Хейзелбери пару раз звонила мне на работу, испугавшись, что меня ограбили, а потом взяла за правило закрывать за мной дверь.) Роуз говорит, что рассеянность лишь придает мне обаяния, но меня это только раздражает. Я ненавижу это ощущение, когда не знаю, что у меня на уме, когда не могу себе доверять, даже несмотря на тот факт, что мне нельзя доверять.

– Забудь, – говорит Роуз, улыбаясь. – Куплю после ужина. Она достает из холодильника готовый салат с киноа и ставит его на стол. – Итак, расскажи мне что-нибудь о своем дне.

Мне нравится, как Роуз выбирает слова. Обычно люди спрашивают: «Как прошел день?» – до боли поверхностный и неглубокий вопрос. А рассказать кому-то что-то о своем дне, с другой стороны, это уже что-то более конкретное. Я подумываю рассказать Роуз об общении с предполагаемым бродягой в библиотеке, но поскольку существует большая вероятность того, что на меня посыплется гора вопросов, я выбираю другую тему для разговора.

– Я выяснила, кто зачеркивал ругательства в книгах.

Роуз пробует салат на вкус.

– О, и кто же?

– Миссис Миллард, – отвечаю я. – Из сообщества пенсионеров. У нее еще родинка такая на щеке, из которой волоски растут. Она опустила книгу в ящик возврата после встречи книжного клуба, а я как раз стояла рядом. Я увидела, что слова перечеркнуты, и сказала ей об этом. Она не стала отрицать. Я сказала ей, что она должна заплатить за замену этого экземпляра, а если увижу еще хоть одну книгу с ее каракулями, то приостановлю действие ее пропуска в библиотеку!

– Отличная работа, офицер Касл.

Технически Роуз могла сказать «констебль», но я понимаю, что она имеет в виду.

– Никто не смеет портить библиотечную собственность в мою смену.

Роуз улыбается. Она очень красивая. Невысокого роста, с круглым лицом, большими глазами и каштановыми волосами. Мы не выглядим как близнецы (многие нам об этом говорят). Я высокая, с узким лицом и светло-рыжими волосами. По правде говоря, единственная схожесть во внешности у нас – это глаза. Бледно-голубые, как морская вода на мелководье на белом песчаном пляже (один из бывших Роуз однажды так сказал, и я подумала, что это лучшее описание, что я когда-либо слышала для этого цвета глаз).

– Почти готово, – говорит Роуз, доставая ланцет и полоску для определения глюкозы в крови.

У Роуз диабет первого типа. Это значит, что ее поджелудочная железа вырабатывает мало или совсем не вырабатывает инсулин, который необходим организму для функционирования. Чтобы компенсировать его недостаток, Роза вынуждена дважды в день делать себе инъекции инсулина, проверять уровень сахара в крови до десяти раз в день и строго контролировать тип пищи и время приема. Это отнюдь не просто, но она никогда не жалуется. Готовая уколоть палец, чтобы измерить уровень сахара, сестра предупреждающе поднимает на меня глаза, и я, как всегда в такие моменты, отправляюсь бродить по дому (при виде крови меня тошнит).

Войдя в гостиную, я отмечаю, каким пустынным стал дом без Оуэна, даже спустя столько месяцев. Я любила Оуэна, несмотря на многие не самые приятные его качества, такие как склонность закинуть руку мне на плечо в самый неожиданный момент или отказ называть меня по имени, предпочитая вместо этого «Ферни», или «Фернстр» или «Ферминатор». Мне всегда

казалось, что это одна из величайших загадок жизни – кого мы любим. Пробираясь обратно к кухне, я чуть не споткнулась о стоящий на полу открытый чемодан, частично заполненный обувью, и сложенный чехол для одежды. При виде чемодана у меня сводит желудок.

В пятницу Роуз уезжает в Лондон на четыре недели, чтобы повидаться с Оуэном. Один полный лунный цикл. Знаю, что она волнуется и предвкушает, поэтому пытаюсь радоваться за нее, но мы никогда еще не разлучались на целых четыре недели, даже когда Роуз и Оуэн поженились. Свадьба проходила в Таиланде, там же они провели, так сказать, «коллективное свадебное путешествие», с присутствием всех гостей (включая меня). Я стараюсь не думать о том, что может пойти не так, пока ее нет, что, в свою очередь, наводит на воспоминания о том, что произошло той ночью, и неожиданно осознаю, что больше ни о чем другом думать не могу. Я не хочу, чтобы она уезжала.

– Ужин готов!

Я кладу чехол для одежды в чемодан и в этот момент замечаю бутылочку. Белая бутылочка с розовой этикеткой, на которой изображена женщина с полной грудью и изогнутым животом. Я поднимаю ее и читаю: «ЭЛЕВИТ. ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ БЕРЕМЕННОСТИ».

– Ферн, ужинать!

Я стою как вкопанная.

– Роуз, ты беременна?

Думаю, это было бы не смешно. Роуз двадцать восемь лет – более-менее подходящий возраст. Я смотрела телевизионные программы о том, как снижается фертильность после тридцати лет. Вполне очевидно, что врачи рекомендуют женщинам, состоящим в браке и желающим иметь детей, начинать как можно раньше. Когда удивление немного проходит, я чувствую, как меня охватывает нечто, похожее на возбуждение и волнение. Ребенок. Я всегда была равнодушна к детям. Их простота восприятия, умение говорить прямо, без задней мысли или заготовленной речи. Само собой, я давно смирилась с мыслью, что у меня не будет своего ребенка, а вот ребенок Роуз – это лучшее, что может случиться.

Я возвращаюсь на кухню и молча изучаю сестру. Не сказать, что она набрала вес. С другой стороны, если верить здравому смыслу, утренняя тошнота может препятствовать набору веса в первые месяцы. Может, она последние недели и чувствовала дискомфорт, испытывая отвращение к привычной еде, но держала это в секрете, ожидая подходящего момента рассказать? Но Оуэна нет уже несколько месяцев. Что бы это значило?

– Полагаю, ты нашла «Элевит»? – отвечает Роуз не сразу. – Врач посоветовал, если хочу забеременеть. К сожалению, – продолжает она, – этого еще не случилось.

– Так... ты пытаешься забеременеть? – спрашиваю я.

Роуз берет тарелки и несет их к столу.

– Не хотела тебе говорить, пока... хотелось рассказать, когда будет что объявить. Оказалось, забеременеть не так просто, как я надеялась.

– О! – Я сажусь за стол. – Из-за диабета?

– Вообще-то нет. Оказывается, у меня ПНЯ – преждевременная недостаточность яичников. – Она предлагает мне соус, но я мотаю головой.

– Преждевременная недостаточность яичников, – повторяю я. В воображении тут же появляется ряд морщинистых яиц с седыми волосами и крохотными тросточками. – Что такое преждевременная недостаточность яичников?

– Если в общем, это значит, что у меня яйцеклетки как у пятидесятилетней женщины, – отвечает Роуз. – Не очень хорошего качества, к тому же их немного. Мы можем попробовать ЭКО, но это зависит от того, смогут ли у меня извлечь хорошие яйцеклетки. На данный момент врачи не уверены, что мои яйцеклетки переживут этот процесс.

Теперь я воображаю, как яйца лежат на смертном одре на больничных койках. В ряд, мои потенциальные племянники и племянницы.

– Это печально.

Роуз откладывает вилку.

– Да, – говорит она. – Печально, не правда ли?

– Значит... если у тебя такое... состояние, то у меня тоже? Мы ведь близнецы.

– Нет, – отвечает Роуз. – Ну, то есть возможно, но маловероятно. Можешь пройти обследование, если тебя это беспокоит.

Конечно, меня это не беспокоит. У меня прекрасное здоровье, к этому я отношусь очень серьезно. Мой личный режим поддержания здоровья включает в себя ежегодный осмотр у терапевта, дважды в год – у стоматолога, также дважды в год визит к гинекологу и осмотр груди. Из физических упражнений – пешие прогулки до работы и обратно, что составляет пять километров. Еще я дважды в неделю занимаюсь карате. В дополнение к этому каждое утро по полчаса я занимаюсь виньяса-йогой – ввиду ее многочисленных преимуществ, таких как растяжка мышц и сохранение ясности ума. Так что о преждевременной недостаточности яичников мне можно не беспокоиться. К тому же заводить детей я не планирую. Я никогда не была беременна. Я занималась сексом три с половиной раза (был первый раз наполовину, и этого более чем достаточно). Все три с половиной раза были с одним и тем же парнем – студентом-медиком по имени Альберт, с которым я встречалась четыре месяца десять лет назад, и то, если так можно назвать совместные выходные, которые мы проводили за учебой, игрой в странную игру судоку и, конечно же, сексом. Признаюсь, мне было любопытно узнать о сексе до встречи с Альбертом, но я была досадно удивлена тем, что занятие это странное и не особо приятное. Альберт же, казалось, наслаждался им куда больше меня, но ни один из нас не достиг никакой эйфории, о которой я читала в любовных романах. Тем не менее я наслаждалась игрой в судоку, оказалось, ему это тоже нравилось, поэтому я была озадачена, когда четыре месяца спустя он внезапно перестал отвечать на мои звонки и опускал голову, когда мы встречались в библиотеке. Когда я поговорила об этом с Роуз, она объяснила мне, что мужчины могут быть непостоянными, а если все, что показывают в американских подростковых телевизионных шоу, правда, то так тому и быть. После этого я перестала беспокоиться о мужчинах и уж тем более о детях.

Я не способна вырастить ребенка, вот и все. Я смирилась с этим. Но неожиданно мой интерес к детям возрос. Если мои яйцеклетки окажутся молодыми... может, им, в конце концов, найдется применение? Может, это мой шанс отплатить Роуз за все, что она для меня сделала?

Я плохо сплю, и это меня очень беспокоит. Я прочитала об этом всю возможную литературу и опробовала все методы. Ложусь спать в одно и то же время каждый вечер, регулярно занимаюсь спортом, избегаю смотреть в экран телефона перед сном и кофеина после обеда. И все же проблема не отступает. Словно некая жестокая карма.

Засыпаю я обычно нормально, проблема в пробуждении. Я просыпаюсь по несколько раз за ночь, причем резко; тело мое напряжено, дыхание учащенное. Как правило, я ворочаюсь с боку на бок, запутываюсь в простынях, будто в смертельной схватке пытаюсь их задушить. Около часа уходит на то, чтобы восстановить дыхание и успокоиться настолько, чтобы суметь снова заснуть.

Я никогда не просыпаюсь с криком, как это бывает в кино. В таком смысле тишина – самое страшное. Она напоминает о той тихой ночи у реки, когда мне было двенадцать лет, когда я совершила тот ужасный поступок.

В обычные рабочие дни я прерываюсь на обед всего на полчаса, за это время съедаю сэндвич с медом и батончик мюсли, сидя за своим столом и избегая обеденной болтовни с

коллегами (правда, удается это не всегда). Но по пятницам все по-другому. В этот день большинство библиотекарей уходит обедать в отель «Брайтон». Сегодня туда отправляются Гейл, Линда, Бернадетт и Тревор. Самые «общительные». Один из нас должен остаться, чтобы «держать оборону», и неделю за неделей я с радостью выдвигаюсь добровольцем. Я наслаждаюсь тишиной и покоем. Тем не менее мне стал нравиться ритуал, когда меня зовут пойти с ними, а затем быстро и без обид отвечают: «Ну разумеется!» и уходят. И похоже, сегодня все идет по плану. Я отвечаю привычное: «Нет, спасибо!», но вместо: «Ну разумеется!» Кармель говорит:

– Пойдемте с нами, Ферн, вам понравится!

Кармель – моя начальница. С тонким и строгим лицом она похожа на лишнюю чувства юмора директрису интерната из старых английских романов. На подбородке у нее излишняя растительность, изо рта пахнет кофе, а большую часть рабочего времени она толкает по залам свою тележку, огрызаясь на посетителей, которые обращаются к ней за помощью. Кармель говорит, что наша работа заключается в том, чтобы складывать книги и помогать людям с ксероксами.

– Библиотека – это не только книги, – сказала она мне однажды, и я тогда громко расмеялась. Хорошо, что, в отличие от директрисы интернатов, чувство юмора у нее имеется.

У моей прежней начальницы, Джанет, было круглое, доброе лицо и огромная грудь, она напоминала добрую матрону, ухаживавшую за солдатами в послевоенном лазарете. Джанет прочитала все книги в библиотеке и говорила сотрудникам, что мы солдаты на передовой в войне против безграмотности и отсутствия воображения. Однажды я рассказала об этом Кармель, и она нахмурилась так, будто пыталась решить сложную математическую головоломку.

– Ферн? – выводит меня из задумчивости Кармель. – Взгляните на меня, пожалуйста.

Я не свожу глаз с экрана компьютера и начинаю быстро печатать, делая вид, что занята таким срочным делом, что меня нельзя отвлекать, даже Кармель. Эта техника успешно срабатывает примерно в пятидесяти процентах случаев. Шансы невелики, но в этом своего рода утешение: заполнить неловкое молчание, яростно стуча по клавиатуре, и пережить воцарившееся надо мной ожидание. Наконец Гейл приходит мне на помощь:

– Ладно! Мы ведь не хотим потерять наш столик? Линда, возьми сумочку Кармель.

Я продолжаю печатать. Боковым зрением вижу, что Кармель все еще наблюдает за мной, но, к счастью, Гейл затягивает ее в общую суматоху, и они все уходят.

Весь следующий час в библиотеке царит тишина, так что у меня есть время провести кое-какие исследования за компьютером. Я заядлый книголюб, но даже я готова признать, что, когда дело доходит до исследований, трудно найти более полезный инструмент, чем интернет. Прошло три дня с тех пор, как Роуз рассказала мне о своих проблемах с фертильностью, и двенадцать часов с тех пор, как она села на самолет до Лондона. Я использовала это время, чтобы тщательно изучить вопросы, связанные с рождением ребенка для сестры. Как выяснилось, вариантов много. Можно быть суррогатной матерью, то есть использовать свою яйцеклетку... или можно быть гестационным носителем – это когда имплантируют эмбрион, зачатый с помощью донорской яйцеклетки. Если использовать собственную яйцеклетку, то можно забеременеть с помощью искусственного оплодотворения, при котором сперма предполагаемого отца вводится в тело... или можно использовать экстракорпоральное оплодотворение, когда имплантируется предварительно оплодотворенная яйцеклетка. В некоторых случаях суррогатная мать вступает в половой контакт с предполагаемым донором спермы, но это происходит крайне редко – какое облегчение. Как бы я ни любила Оуэна и как бы сильно он ни хотел, чтобы использовали именно его сперму, мысль о половом акте с ним на удивление отталкивающая.

После долгих раздумий, составив таблицу «за и против» для каждого варианта, я пришла к выводу, что самым простым способом зачать ребенка для Роуз будет забеременеть естественным образом от мужчины, который не Оуэн. Этот способ не потребует запредельных затрат,

никакого медицинского лечения, никакого участия Роуз или Оуэна, совсем. Вообще, если получится забеременеть достаточно быстро, вот так новость будет для Роуз! Какое счастливое возвращение домой! Разумеется, для полового акта мне потребуется мужчина, но это ведь не должно составить труда. Судя по всему, мужчины отчаянно в этом нуждаются. Их можно найти в любом баре или клубе, рыщущих в поисках женщин, с которыми можно совокупиться без обязательств. К сожалению, я не хожу в бары и клубы. Но наверняка мужчин можно встретить и в других местах.

Я продолжаю изучать волнующий меня вопрос, когда остальные сотрудники возвращаются с обеда; от них пахнет пивом и чесноком и разговаривают они на несколько децибелов громче, чем когда уходили. Я продолжаю читать, так как, судя по тому, как все потихоньку улизнули кто куда, никого не волнует, чем я занята. Даже вечно крутящуюся рядом Кармель с ее тележкой практически не видно всю вторую половину дня. Так что я с головой погружаюсь в изучение сайта знакомств под названием «Тиндер», как вдруг у стойки появляется посетитель.

– У меня возникли трудности с принтером.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Девяносто девять процентов обращений к стойке регистрации касаются принтеров и ксероксов. Последние хуже всего, поскольку каждый посетитель должен пополнить монетами чертову маленькую карточку и привязать эту карту к своему счету – процесс, который никто, включая меня, не знает, как выполнить успешно. Поэтому я предпочитаю не связываться с такими запросами. Я не просто не понимаю их, они до смерти утомительны. Последнее время, когда кто-то из посетителей задает вопрос о принтерах или ксероксах, я делаю вид, будто мне показалось, что меня зовут, и, извиняясь, убегаю. Так я собиралась поступить и сейчас, но неожиданно узнаю акцент и идеальное произношение этого человека.

– Уолли! – восклицаю я.

Он улыбается, хоть и сдержанно, и мое внимание привлекают его зубы. Такие ровные и белоснежные. Никаких кусочков еды, застрявших у линии десен. Похоже, он заботится о своих зубах. Если бы я увидела их в тот день, то ни за что не приняла бы его за бездомного (хотя он по-прежнему в той шапке и мешковатых джинсах).

– Вы снова в этой шапке.

Уолли делает паузу, трогая шапку, будто проверяя, на месте ли она.

– Эм-м-м, ага.

Судя по тону, он слегка обижен. Удивительно, на что только люди не обижаются. Например, спросить у человека его возраст или вес – по-видимому, верх грубости, что совершенно бессмысленно. Зачем делать тайну из того, что буквально выставлено на всеобщее обозрение? Тем не менее эти правила существуют, и, кажется, все понимают, что можно спрашивать, а что нельзя.

Все, кроме меня.

– Вы американец, – говорю я, надеясь, что это а) не оскорбительно, и б) отвлечет от замечания о шапке.

Уолли просто кивает. Как и в прошлый раз, его взгляд устремлен прямо, через мое левое плечо. Вообще-то я не против. Некоторые люди так и жаждут зрительного контакта, и это облегчение – иметь возможность не смотреть прямо в глаза.

– Что привело вас в страну Оз? – спрашиваю я, довольная своим комментарием, его причудливостью и непринужденностью, но Уолли вовсе не выглядит очарованным.

– Моя мать была австралийкой, – говорит он. – А отец американец. У меня двойное гражданство. – Он поправляет очки на носу. А он довольно симпатичный, в каком-то смысле. Неудивительно, что я только сейчас это заметила – обычно мне требуется время, чтобы понять, что человек красив. Недавно Роуз рассмеялась, когда я сказала, что Брэдли Купер неплохо выглядел в фильме «Звезда родилась». «Ты только сейчас это заметила?» – спросила она, выти-

рая глаза. Честно говоря, как по мне, гораздо смешнее то, как большинство людей делают скоропалительные выводы, не удосужившись сначала подумать, почему им так показалось.

В этот момент Гейл решает подойти и спросить, может ли она чем-то помочь. Обычно я очень благодарна, когда она приходит мне на помощь, но сегодня я расстроена, потому что она тем самым напоминает этому мужчине, зачем он подошел к стойке регистрации.

– Ах да, – отвечает он, снова обращаясь ко мне. – Принтер.

– Пробовали нажать кнопку «печать»? – Я не в состоянии скрыть скуку.

– Да.

– Проверили, подключены ли к правильному принтеру? У каждого из них свой номер, они напечатаны на ламинированной табличке, там, на стене.

– Проверил.

Я уже подумываю сказать, что сеть отключилась. Пару недель назад так и случилось, и это был лучший способ уйти от вопросов о принтерах и ксероксах за все время моей работы здесь. К сожалению, это длилось недолго. Я уже собиралась было воспользоваться этой уловкой, как вдруг замечаю, как Кармель топчется неподалеку, наблюдая за нами, и тяжело вздыхаю.

– Ладно, давайте посмотрим.

Я следую за Уолли к его компьютеру. Когда я в последний раз его видела, он мне казался долговязым и тощим, но сейчас, шагая позади него, я замечаю, что он куда более атлетичен. Такой же высокий, как те игроки в гольф, за которыми я с удовольствием наблюдаю по телевизору во время Кубка президента. Широкие плечи, узкий торс, крепкие ягодички. Я наслаждаюсь этим видом, пока мы не подходим к ноутбуку Уолли, и мне снова становится скучно. Я пробую отправить документ на печать и, когда это не срабатывает, лезу в настройки. Думаю, что провожусь так пару минут, а потом объявляю ему, что не получается, пусть приходит завтра. Тем временем, на случай, если Кармель бродит где-то рядом, я с хмурым видом смотрю в экран, будто глубоко задумалась. По факту так и есть. Я думаю о «Тиндере». Очевидно, мне придется создать профиль с фотографией, что не должно быть слишком сложно. Попрошу Гейл сделать фото. Потом проверю кандидатов. Хорошо бы выбрать кого-нибудь симпатичного, в смысле не для меня, а чтобы ребенок был красивым. Хотя бы пара извилин в мозгу, хорошее здоровье.

– Что, ради бога, вы делаете? – спрашивает Уолли, что раздражает, так как Кармель может услышать.

– А на что это похоже? – фыркая я. – Пытаюсь распечатать ваш документ!

Я нажимаю на клавишу, и на экране появляется файл.

– Рокко, Райан, – читаю я имя, написанное в верхней части документа, и изучаю остальной текст. Похоже на какое-то предложение, целый список с профессиональными навыками. Я изучаю их и, пораженная, поворачиваюсь к Уолли:

– Вы программист?

– Да.

– И просите меня помочь вам с компьютером?!

– Я прошу помочь не с компьютером, – отвечает парень, – а с принтером.

– Да какая разница!

– Понятно, – вздыхает Уолли. – Кажется, у нас ничего не получается.

Несмотря на раздражение, я нахожу невероятно привлекательным и приятным тембр его голоса. Едва заметное движение губ, отчетливое произношение каждого слога, а как он выговаривает «ч» – это прекрасно! Я закрываю глаза. «Ничего не получается...»

– Извините, мисс, – зовет меня сидящий напротив пожилой мужчина. – У меня что-то с компьютером...

Я открываю глаза.

– А я тут при чем? Он тут программист.

Старик переводит взгляд на Уолли, тот закатывает глаза, но затем садится на корточки перед его компьютером. Через минуту старик благодарит его, а Уолли отвечает ему со своим славным акцентом: «Конечно, не за что!»

«Конечно! Не за что!»

Старик улыбается ему, Уолли кивает в ответ.

Их взаимодействие наводит меня на мысль.

– Вы ищете работу, так? Можете работать здесь! Специалистом по принтерам и ксероксам. Живете неподалеку?

Уолли поправляет очки на носу. Делает он это с поразительной регулярностью.

– Наверное.

– Наверное? – Меня никогда не перестанет удивлять то, как люди иногда понимают все на лету. Вот мне, например, нужно время, изучить вопрос со всех сторон и, если возможно, изложить его человеку в виде вопроса, чтобы убедиться, что я все верно поняла. Задним умом я осознаю, что всегда могу ошибиться, а последствия такого, как я уже поняла, могут оказаться катастрофическими. – Что значит «наверное»?

– Я живу в фургоне. Сейчас он на улице. Так что, наверное, можно сказать неподалеку.

– Вы живете в фургоне, – повторяю я, переваривая необычную для меня информацию. – Так вы и правда... бездомный?

– Нет, я не бездомный.

– Но вы не живете в доме. Разве это не делает вас бездомным?

Я чувствую себя победителем. Мне не давала покоя мысль о том, что я ошибочно предположила, что он бродяга. Знаю, у меня есть склонность неправильно интерпретировать вещи, но если одним очередным случаем того, как я не могу доверять собственным суждениям, станет меньше, то это, несомненно, будет победой.

– Технически я без дома, – отвечает Уолли. – Но фургон и есть мой кров. И, к вашему сведению, жизнь в фургоне имеет много достоинств. – Он начинает по пальцам перечислять эти достоинства: – Фургоны доступны по цене (большой палец). У них низкий выброс углекислого газа (указательный). Они дают свободу... (средний палец)...путешествовать (безымянный). А значит, я могу работать внештатно, выбирать свой график (мизинец). (Убирает руки в карманы.) – Так что спасибо за предложение, но я предпочитаю работать фрилансером.

Я стараюсь сосредоточиться на словах, которые он произносит, а не на акценте, но это трудно.

– Хотите сказать... вы сами выбрали жить в фургоне? И другие люди так делают?

– Конечно. Посмотрите в инстаграме¹ под хештегом vanlife. Многие люди моего возраста так живут.

Я смотрю на него хмуро. На вид Уолли примерно моего возраста, может, на несколько лет старше. Удивительно, что человек в возрасте около тридцати лет – да еще и компьютерный программист! – может выбрать такой неординарный образ жизни.

– Ну и... что это за фургон?

– «Комби». У меня есть кровать, кухонный уголок, стол, за которым можно поесть. Чтобы принять душ, пользуюсь общественными местами, как здесь, в библиотеке. Для стирки белья хожу в прачечные. И вода из насоса, чтобы мыть посуду. Это не так сложно, как многие думают.

Я все еще сомневаюсь.

– А где вы его храните?

¹ Деятельность социальной сети Инстаграм запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности. (Здесь и далее.)

– В данный момент он на парковке на улице. Ночью я паркую его у Объединяющейся церкви на Уилсон-стрит, там разрешают парковаться по ночам. Днем я стараюсь найти парковку на весь день или перемещаю фургон каждые два часа.

– Звучит... утомительно.

– Такой уж образ жизни я выбрал.

– Ну ладно. – Я киваю, делая большие глаза, чтобы показать, что он меня убедил. – Боюсь, я не смогу вам помочь. Если только вы не ищете книгу? Тогда это ко мне. – Настроение мое тут же улучшается. – Что любите читать, Уолли?

Он хмурится.

– О нет, спасибо.

– Нет, спасибо?

– Я не особо... читаю.

Я смотрю на него во все глаза.

– Не особо читаете?

Конечно, я знаю, что есть люди, которые не читают. Есть, например, такие, кто не могут или не умеют читать. Есть те, кто утверждает, что очень заняты и на чтение книг у них нет времени, и вместо этого проводят время за просмотром «Netflix» и пролистыванием социальных сетей в своих телефонах и планшетах. Кто-то говорит, что так много читает на работе, что уже не в состоянии читать что-то еще. Но, судя по документу на компьютере, Уолли умеет читать. Отсюда и мое замешательство.

– Вы слабоумный, что ли? – Знаю, что говорить «глупый» нельзя, это грубо.

Уолли, кажется, потрясен.

– Мой IQ сто сорок один.

– М-м-м... хм.

– В детстве я читал, – говорит он, на секунду задумавшись. – А в какой-то момент почему-то перестал.

– Какие книги вы любили в детстве?

Уолли словно задумался над моим вопросом.

– Так, посмотрим... мне нравились «Изгой», «Шоколадная война», «Убить пересмешника»...

– Знаю для вас идеальную книгу! – перебиваю я его и направляюсь в отдел общей художественной литературы, где хватаю с полки экземпляр «Джаспера Джонса». – Эта книга возродит вашу любовь к чтению, – говорю я, возвращаясь к нему. – Она получила несколько крупных наград и номинирована на с полдюжины других, а в две тысячи семнадцатом по ней сняли фильм. – Я кладу книгу на его блокнот, лежащий рядом с ноутбуком. – А если захотите оформить читательский билет, я с радостью вам помогу.

Уолли долго на меня смотрит, затем его взгляд смягчается.

– Извините, не расслышал ваше имя?

– Ферн. Ферн Касл.

– Я Рокко.

Он протягивает руку для рукопожатия, но я скрещиваю руки на груди.

– О, я предпочитаю не прикасаться к другим людям, по возможности. А вы знали, что на наших руках одновременно обитают в среднем тридцать две сотни бактерий ста пятидесяти разных видов? И это включая фекальные бактерии! Если бы я пожимала руки каждому встречному в библиотеке, то болела бы не переставая, не говоря уже о том, что так можно и заразиться чем угодно. – Я достаю маленький антибактериальный спрей, прикрепленный к комбинезону удобным карабином, и брызгаю себе на ладони. – Хотите?

– О нет, все нормально... ну хорошо, э-э-э, давайте, – отвечает он, и я распыляю спрей ему на руку. Он потирает ладони. – Что ж, давайте посмотрим, можно ли что-то поделать с этим принтером.

Кармель сейчас в отделе детской литературы, наблюдает, как Линда дает рекомендации матери четырех сыновей, по виду которых можно сказать, что они явно предпочитают погонять в футбол, чем сидеть в библиотеке (вот кому идеально подошли бы Пол Дженнингс и Энди Гриффитс или любые книги, где в названии есть слово «Пук» и тому подобное). Поэтому я понимаю, что сейчас самое время действовать. Я наклоняю голову, хмуро уставившись вдаль, готовясь притвориться, будто меня кто-то там зовет, как вдруг меня озаряет.

Уолли красив, в каком-то смысле. Если верить, что у него действительно такой высокий IQ, значит, извилин у него явно больше двух. А значит, остается только один вопрос...

– Как у вас со здоровьем, Уолли?

Мягкость в его глазах сменяется подозрительностью.

– Прекрасно. Я бегаю каждое утро по десять километров.

Я улыбаюсь. В этот раз техническая помощь в библиотеке сослужила мне добрую службу.

Уолли несколько неуверенно улыбается в ответ, и я задаю следующий вопрос:

– Не хотите пойти со мной на свидание?

Улыбка исчезает с его лица.

Дневник Роуз Ингрид Касл

Мой психотерапевт велел мне вести дневник и в отъезде. Сказал, что встреча с Оуэном может вызвать сильные эмоции, связанные как с браком, так и с моим желанием иметь ребенка, и будет очень полезно излить их на бумаге. А поскольку я посмотрела уже все имеющиеся на борту фильмы, что еще мне остается?

Я в ужасе от предстоящей встречи. Конечно, хочется верить, что все пройдет хорошо. Я представляю себе, что так и будет. В моем воображении Оуэн будет рад меня видеть. Он объяснит, что не поддерживал связь со мной, потому что при одной мысли, что я так далеко, ему было слишком больно со мной разговаривать. Но это лишь мое воображение, я не ожидаю, что все так и будет. Я не глупа. Я заметила, что Оуэн не проявил особого энтузиазма по поводу моего приезда, и предположила, что он пригласил меня, чтобы покончить со всем этим раз и навсегда. Может, я приеду и обнаружу его в объятиях прекрасной англичанки с аристократическим акцентом? Самое забавное, что если так и будет, то в какой-то степени я буду довольна. Потому что, как мне кажется, я это заслужила.

Конечно, причинно-следственная связь ведет к маме. Если копнуть достаточно глубоко, то можно понять, что с мамой связано вообще все. Она еще в юном возрасте научила нас тому, что любовь условна. Чтобы заслужить ее, приходилось выступать, как на концерте. Улыбаться, быть милыми и шутить. Знать наверняка, чего она от нас хотела... и беспрекословно все выполнять.

Ей нравилось, когда люди считали нас очаровательными – это хорошо отражалось и на ней. Помню, как-то раз, когда нам было лет шесть или семь, мы гуляли с мамой в городе. К тому времени нам выделили небольшую коммунальную квартиру в пригороде, и мы часто ездили в город на целый день, потому что мама ненавидела находиться в этой квартире. В тот день мы проходили мимо уличного музыканта, игравшего на трубе, когда Ферн остановилась и начала танцевать. Мама торопилась, поэтому она ничего не заметила и продолжала идти. Я потянула Ферн за руку, но она просто схватила меня за обе руки и закружила, хихикая.

– Эй, вы только взгляните на этих девчат! – сказал кто-то.

– До чего очаровательны! – воскликнул кто-то еще.

Через минуту или две вокруг нас уже собралась толпа, хлопая в ладоши и аплодируя. Я никогда не брала уроки танцев, да и Ферн тоже, но даже несмотря на это, тогда я поняла, что в Ферн есть нечто волшебное – ее золотистые волосы, длинные руки и ноги, чистая радость в глазах. Она была словно ангел.

– Чьи это девочки? – спросил кто-то. Люди оглядывались в ожидании. Мой желудок уже свело стократ. Когда мама заметит, что мы пропали, она будет в ярости.

– Мои! – послышался ее голос. Мы с Ферн обернулись, мама стояла с краю с поднятой рукой, сияя и улыбаясь от уха до уха. – Вот вы где, мои балеринки. Как всегда, устроили шоу! – рассмеялась она, демонстративно закатив глаза.

– Не сердитесь на них, мэм, – сказал кто-то. – У них впереди большое будущее!

Мама приняла похвалу толпы, наслаждаясь вниманием. Compliments – то немногое, что делало ее счастливой. Несмотря на это, я не могла полностью расслабиться. В тот момент она, может, и улыбалась, но я знала, что, когда вернемся домой, по голове нас не погладят. Если Ферн и разделяла мое беспокойство, она хорошо это скрывала. Плечи ее были расслаблены, взгляд был искренен и наивен. Помню, что была за нее рада. Ферн всегда казалось, что ее окружает некая непроницаемая граница, делавшая ее неуязвимой для маминой жестокости. Я часто задавалась вопросом: не была ли эта граница неотъемлемой частью того, что отличало ее от других? Но мама никогда не водила ее на обследования. Если бы Ферн поставили диагноз и

оказали помощь, это сделало бы ее особенной, а в нашем доме мама была единственной, кому разрешалось быть особенным.

Но если Ферн не боялась мамы, это не значило, что та не представляла для нее угрозы. Помню как-то раз, нам было лет семь, Ферн рисовала на кофейном столике. Это был ужасный день. Столик был недорогой – скорее всего, он не стоил ни гроша, большую часть мебели мы брали у Армии спасения. В то время мы все еще жили в муниципальной квартире, и маминых социальных выплат не хватало на шикарные вещи, о чем она регулярно нам напоминала. Это была невинная ошибка. По всему кухонному столу было разбросано белье, и Ферн спросила маму, где ей делать уроки. Мама ответила: «Делай на журнальном столике». Просто невероятно! Она была ей матерью уже семь лет и так не поняла, как Ферн могла интерпретировать ее слова. Если бы я заметила раньше, то сама объяснила бы сестре, но, к сожалению, слишком поздно увидела, что она наделала.

– Кто писал на кофейном столике?! – взревела мама. У нее и так весь день было плохое настроение, но после увиденного она была просто в ярости. Я бы взяла вину на себя, – как и собиралась вообще-то, – но Ферн подняла руку прежде, чем я успела хоть что-то сказать. Она была так беззаботна и совершенно не подозревала о надвигающейся опасности. Она даже улыбнулась. Я не успела постучать своим браслетом по ее браслету, чтобы предупредить об угрозе.

Я затаила дыхание. Мама могла выйти из себя из-за малейшей ерунды: мы говорили слишком громко или мы говорили слишком тихо, не поблагодарили ее как следует. Один Бог знал, на что она способна, если мы наломаем дров по-настоящему. Должно быть, я подвинулась немного вперед, инстинктивно загораживая собою Ферн, потому что помню, как мама, прищурившись, отвлеклась от кофейного столика.

– Что это ты делаешь? – спросила она другим голосом, с любопытством, но осторожно и холодно. – Пытаешься защитить ее?

Она бросила на меня ледяной взгляд. Я не сразу поняла свою ошибку. Выражая любовь к Ферн, желая защитить ее, я тем самым предала маму и совершила грех. В конце концов, нашей целью было любить ее.

– Я бы никогда не причинила Ферн вреда, – сказала мама ледяным тоном. – Это же какой-то глупый кофейный столик. Ты что, думаешь, я чудовище какое-то?!

– Нет, мам...

– Разве чудовище станет кормить своих детей?

– Нет.

– Откажется от всего ради них?

– Нет.

Ужас сковал мой желудок, когда мама встала прямо передо мной.

– А эта одежда? – спросила она, потянув меня за футболку. – Чудовище купило бы одежду своим детям?

Тогда я впервые подумала, что мама может меня ударить. Раньше она меня не била и жутко этим гордилась. «Я никогда не поднимала руку на своих детей», – говорила она всем. Подразумевалось, что своих детей бьют только плохие родители, а она была хорошей. Но в тот день лицо ее исказилось гримасой ярости и злости. Я чувствовала на лице ее горячее дыхание. Я была готова, даже ждала, что она меня ударит, как она вдруг резко повернулась и вышла из комнаты.

Мы с Ферн побежали за ней. Когда мы ее догнали, она уже доставала с полок книги, игрушки, обувь.

– Чудовище купило бы своим деткам мягкие игрушки? – кричала она, швыряя наши вещи через всю комнату. – Ручки и карандаши? А пляжные пластиковые ведерки?

Бум! Бах! Ба-бах! Мама взяла в руки нашу музыкальную шкатулку для украшений с крошечной танцующей балериной внутри. Нам ее подарил папа. Мы с Ферн слушали ее перед сном каждый вечер, когда в комнате выключался свет. Конечно, мама об этом знала. Поэтому она выглядела такой радостной, когда разбила шкатулку о стену, расколов ее пополам.

Так продолжалось до тех пор, пока посреди нашей комнаты не образовалась куча сло-манных вещей. Помню, наблюдая за всем этим, я подумала тогда, что то, что она делает, хуже, чем если бы побила меня. Лучше бы мама меня ударила.

Ферн

Ребенком я любила ходить в школу, и тому было несколько причин.

Ежедневная рутина – ходить туда и обратно.

Расписание, благодаря которому я всегда знала, чего ожидать.

Учеба.

Чтение.

Конечно, в школе было и много неприятного. Люди, шум, свет, запахи. Тем не менее я приспособилась. Я старалась приходиться в школу после звонка и таким образом избегала утренней толкотни в коридорах. Сидела в первом ряду, где болтовня сведена к минимуму. В обед съедала свой сэндвич на улице, а затем шла в библиотеку почитать. После школы шла домой длинным путем, чтобы не приходилось вести светские беседы с другими детьми. Но каждый год был один день, который мне было не обойти.

День соревнований по плаванию.

Для человека с нарушением обработки сенсорной информации соревнования по плаванию – это настоящий ад. Теплое и влажное замкнутое пространство, радостные возгласы и крики, пловцы в костюмах кричащих цветов, отвратительный запах хлорки. Я придумывала разные убедительные аргументы, чтобы мама позволила мне остаться дома, но она всегда отказывала. «Тебе нужно проявлять командный дух, – говорила она. – Очень важно поддерживать своих сверстников».

В первый год я держалась стойко. От меня хотя бы не требовали участвовать. (Один из плюсов школ, в которых занятия спортом не обязательны.) Все, что нужно было, – это стоять рядом и болеть. Я пришла с затычками для ушей, но меня смутил запах. Он был какой-то странный. Не просто соленая вода и хлорка, как в бассейне на заднем дворе. Воздух был теплым, сырым и затхлым. Как только я вошла, то почувствовала его каждой клеткой своего тела. Я словно пребывала под водой, только без волшебной тишины. Напротив, шум был такой сильный, что в голове гудело.

Когда мы вошли, Роуз взяла меня за руку, так что я поняла, что это жест утешения, но у меня мурашки пошли по всему телу от ее прикосновения. Будто меня покрывало что-то еще, требующее внимания. Она повела нас на самый верх, на предпоследний ряд, и усадила меня на пол. Все зрители стояли, так что оттуда нас видно не было, и учителя не заставили бы нас болеть. Не идеально, но лучшее, на что я могла рассчитывать. У меня было ощущение, будто я тону. Хлорка прилипла к коже, школьная форма на мне отсырела насквозь. Я терпела до тех пор, пока Роуз не ушла на свой заплыв (по какой-то невообразимой причине она записалась на пятидесятиметровую эстафету вольным стилем). «Просто не высывайся, – велела она мне перед уходом. – Я вернусь, как только смогу».

Я коротала время, считая в обратном порядке от миллиона, вычитая по девять. Но время тянулось мучительно долго. Только я подумала, что не выдержу больше ни секунды, как мистер Малкэхи заметил, что я сижу на полу, и крикнул мне, чтобы я встала. (Мистер Малкэхи был учителем естественных наук; у него были желтые зубы, от него пахло луком и мятными леденцами.) В этот же момент наша команда, должно быть, выиграла, потому что спортзал взорвался жутким победным ревом. Мальчик в соседнем ряду, которого я не узнала, с длинными белокурыми волосами, подхватил меня и закружил, прыгая вверх-вниз и крича: «Да-а-а!» Мои чувства взорвались. Я будто попала в другое измерение.

Я не хотела причинить ему боль. Должно быть, это был рефлекс. Хорошо отработанный рефлекс, потому что сначала я надавила ему на глаза, затем ударила коленом в пах. Я начала успокаиваться, как вдруг почувствовала, как кто-то коснулся меня сзади. Удар локтем назад, и нос мистера Малкэхи сломан.

Во время последующей встречи директор нашей школы, мисс Найт, сказала, что «наибольшее беспокойство вызывает тот факт, что она не проявила никакого раскаяния». Я объяснила ей, что, напротив, испытала облегчение, потому что все могло быть гораздо хуже.

Я понимала, что в тот момент могла убить кого-то.

Я прихожу в Ботанический сад без четверти двенадцать, за пятнадцать минут до назначенного с Уолли свидания. Я планировала использовать это время, чтобы найти место в тени, расстелить покрывало, которое взяла из дома, и распаковать сэндвичи: себе я, как обычно, сделала с медом, а для Уолли – с медом и соевым соусом «Веджимайт». Но, войдя через восточные ворота парка, я с тревогой обнаруживаю, что Уолли уже здесь, сидит на покрывале, вытянув длинные ноги.

– А ты рано! – восклицаю я.

– Всегда стараюсь по возможности приходиться на четверть часа раньше.

– Правда? – удивляюсь я. – Я тоже.

– Кто же не ценит пунктуальность? – пожимает Уолли плечами.

– Вообще-то многие, не поверишь.

Я устраиваюсь поудобнее на покрывале, которое принес Уолли. Оно достаточно просторное для нас двоих и совсем не колючее, как большинство покрывал для пикника. Наше свидание было довольно простым в организации, поскольку я объяснила Уолли, что такое свидание.

– Приглашаешь меня на свидание? – спросил он тогда в ответ на мое приглашение. Его вопрос меня удивил, так как он явно услышал, что я сказала, и я не могла понять, почему он ждал дальнейших разъяснений.

– Да, – ответила я, настолько медленно и четко, насколько могла.

Тем не менее он выглядел озадаченным. Настолько, что на кратчайшую долю секунды он посмотрел мне прямо в глаза и переспросил:

– Свидание?

В тот момент я начала сомневаться в его хваленном IQ. Уолли молчал так долго, что я уж начала думать, не случился ли с ним приступ. Я задумалась: с чего бы так? Бегло почитав в интернете, я убедилась, что в наше время девушки так делают – приглашают парней на свидания. И все же бедный парень выглядел совершенно озадаченным. Мне подумалось, его могло сбить с толку само слово «свидание».

– Согласно сленговому справочнику «Urban Dictionary», свидание – это когда два человека встречаются, чтобы вместе чем-нибудь заняться, и возможность возникновения романа между ними не исключена, – объяснила я.

Лицо Уолли по-прежнему ничего не выражало. Я вздохнула. Именно по этой причине я предпочитала четкое планирование, а не спонтанность. Обычно, когда намечалось что-то выходящее за рамки обыденной рутины, – например, посещение стоматолога или гинеколога или участие в съезде библиотекарей в государственной библиотеке, – я тратила много времени на планирование всего этого. Узнавала оптимальный маршрут, проверяла расписание поездов, следила, чтобы медицинское учреждение работало по графику. Но в тот день я будто сбилась с пути. Прежде чем сдаться, я решила предоставить ему еще одно объяснение, взятое из того же словаря.

– Это физическая активность между двумя людьми, которых влечет друг к другу и в результате которой один или оба партнера зачастую испытывают половое влечение.

Наконец, как ни странно, он засмеялся. Этаким полусмехом, будто сам не понимал, смеется он или горло прочищает. Затем он вскинул руки и сказал:

– А знаете... конечно! Я свободен в субботу. Чем хотели бы заняться?

После того как мы обменялись несколькими идеями, я поняла, что пикник – единственный реальный вариант, учитывая, что я не хожу в рестораны или торговые центры, а в кино-театрах звук слишком громкий и там пахнет попкорном. Уолли натянуто согласился, и тут

словно небеса улыбнулись нам (нелепое выражение, поскольку у небес нет ни лица, ни тем более рта, чтобы улыбаться), принтер ожил и начал работать, так что, извинившись, я быстро убежала, пока кто-то еще не попросил о помощи.

И вот мы тут. На пятнадцать минут раньше назначенного.

Я отмечаю про себя, что на Уолли те же очки в черной оправе, фланелевая рубашка с джинсами и, конечно же, нелепая шапка. Должна признаться, это однообразие в его внешности меня успокаивает. Меня всегда настораживает, когда люди меняют имидж. Например, Линда из библиотеки меняет прическу с пугающей частотой. Не только цвет, но и стиль: то прямые, то завитые, то зачесанные назад и блестящие, будто мокрые. Она, конечно, яркий пример, но все же большинство людей склонно менять ежедневно как минимум одежду. То новые серьги, то помада поярче. Пословица гласит, что перемены так же полезны, как отдых и праздники, но мне никогда не нравились ни перемены, ни праздники. По этой причине я надела любимую солнечно-желтую юбку, радужную футболку и удобные кроссовки. Единственный дискомфорт мне доставляют влажные губы – утром я прочла в интернете, что к свиданию нужно подготовиться, и нанесла блеск. С радостью бы от него избавилась, но у меня с собой ни салфетки, ни платка.

– В чем дело? – спрашивает Уолли.

– В каком смысле?

– Ты странно на меня смотришь.

– Правда? – С мгновение я размышляю над этим, а потом задаюсь вопросом: как он вообще это заметил, ведь его взгляд направлен куда-то мимо моего левого плеча? – Кто кого переглядит? – рискую я предложить. Это, как ничто другое, должно помочь растопить лед, на мой взгляд. Начало казалось многообещающим, когда глаза Уолли слегка расширились, но затем его взгляд снова скользнул вдаль, через мое плечо. Может, у него проблемы с глазами?

– Я выиграла! – радостно восклицаю я.

Лицо Уолли становится по-доброму хмурым.

– Совсем не умеешь играть в гляделки, – отмечаю я, доставая из сумки сэндвичи, и пока я протягиваю Уолли его кусок, который приготовила специально для него, он открывает сумку и достает оттуда целый кладезь еды: буханку свежего хлеба, головку сыра «Бри», пакет винограда и даже плитку темного шоколада.

– Бог ты мой!

– Что?

– Да это же настоящий пир! Где ты все это взял?

– Все это? – переспрашивает Уолли, указывая на еду. – Украл.

– Украл?! – разинула я рот.

Уолли фыркает.

– Ну конечно, нет. За кого ты меня принимаешь? Купил в супермаркете.

– Зачем ты потратил столько денег, – спрашиваю я скептически, – если даже не можешь позволить себе жить в доме или квартире?

– Дело не в том, что я не могу позволить себе дом... Жить в фургоне – это как бы...

– Образ жизни?

– Да!

– Понятно. – Разворачивая свой сэндвич, я чувствую на себе его взгляд и обнаруживаю, что он смотрит на меня, лениво улыбаясь.

– Можешь не верить, но мне нравится простота фургона. И на еду деньги у меня есть. Я внештатный программист, помнишь? – Уолли достает из сумки нож для хлеба и начинает нарезать буханку, усмехаясь.

– Почему фриланс? Ты наверняка можешь найти себе постоянную работу.

– Могу. – Уолли продолжает нарезать хлеб.

– Но не хочешь?

Он опускает нож.

– Нет.

– Сам выбрал такой образ жизни?

Уолли ухмыляется.

– Именно!

Странный выбор, но я восхищаюсь им. Я часто задумывалась над тем, как слепо люди идут по стопам своих предков: устраиваются на работу, покупают дом, усердно работают, а потом умирают.

– Что ж, – говорю я, – очень смело с твоей стороны, Уолли.

– Благодарю, – отвечает Уолли. – Хотя меня зовут Рокко.

– Ты не похож на Рокко.

Он снова фыркает.

– Тем не менее так меня зовут.

Уолли искусно готовит свой сэндвич: с сыром, нарезанной ветчиной и помидором, – пока я уплетаю свой с медом. Свидание пока проходит неплохо. Мы завязали разговор, едим. Согласно моим исследованиям, все идет как надо. Я отбросила возможность забеременеть сегодня по очевидным причинам. Помимо того что заниматься сексом в парке было бы неловко и, возможно, незаконно, сегодня у меня нет овуляции. Я знаю это наверняка, потому что купила в аптеке несколько тестов на овуляцию, которые скажут мне, когда она наступит (в крошечном окошке теста появится смайлик). В инструкции сказано, что тест необходимо провести на десятый день цикла, с тем, что овуляция должна произойти на четырнадцатый день, и, согласно моим подсчетам, это означает, что второе свидание должно состояться чуть меньше чем через неделю, чтобы я могла выполнить основную часть плана.

– Расскажи мне о жизни в фургоне, – прошу я, проглатывая полный рот сэндвича. Вопросы я подготовила заранее. Я использую тактику задавать вопросы, когда требуется вести непринужденный разговор – так в глазах собеседника вы выглядите заинтересованным и одновременно перекладываете все усилия по ведению беседы на него же. – Что тебе в этом так нравится?

Уолли лежит на покрывале, опираясь на один локоть.

– Мне многое нравится, – отвечает он. – Небольшое пространство для жизни кажется мне уютным, будто спишь в маленьком коконе. Когда идет дождь, я слышу, как он барабанит по крыше; в ветреную погоду чувствую, как фургон качается. Будто я на улице... но защищен. Что еще? Нравится, что вещей много быть не может, поэтому, когда что-то покупаю, задаюсь вопросом – а действительно ли мне это нужно? В итоге у меня только по-настоящему полезные и очень ценные вещи. Нравится, что я ничем не ограничен. Долги, погода, вредные соседи. Мой дом там, где я.

– А где он сейчас?

– Недалеко, в миле отсюда есть парковка, первые четыре часа бесплатно.

– Тебя не напрягает постоянно вот так передвигаться?

– Немного, – признает Уолли, – но в этом есть что-то классное.

Я размышляю над сказанным им.

– Когда я была маленькой, мы часто переезжали. Но не в фургоне. Не могу сказать, что это было... классно.

Уолли приподнялся на локте, устраиваясь поудобнее.

– Почему вы часто переезжали? Родители военные?

Я качаю головой.

– Если честно, сама не знаю. Наверное, хотелось бы жить в одном месте, но... постоянно что-то случалось. Мама теряла работу или домовладелец просил нас съехать. – Уолли смотрит

на меня внимательно, и мне становится неловко, но в то же время приятно. Может, именно поэтому я добавляю: – Не лучшая мама на свете, наверно...

Звучит как предательство, не люблю плохо говорить о маме. Это как-то неправильно. Вот Роуз может спокойно так о ней отзываться. Они с мамой никогда не ладили, даже когда мы были детьми. Помню, когда нам было десять, мы с Роуз прятались в шкафу после того, как они с мамой поругались. «Ферн, знаю, ты не понимаешь, – сказала сестра, – но мама у нас не очень хорошая. Ты должна делать, что я говорю, иначе я не смогу тебя защитить. Она плохая мама, понимаешь?» И я ее послушалась.

– Мне жаль, – говорит Уолли.

– У нее была передозировка, когда мне было двенадцать, и нас с сестрой отдали в приемную семью.

Уолли садится.

– Ого! Ферн, это ужасно.

Я сосредоточиваюсь на остатках еды, виноградинах, валяющихся на разделочной доске.

– Мне повезло, что у меня была Роуз. Мы с ней близнецы.

Я ожидаю, как на это отреагирует Уолли. Необъяснимо, но люди удивляются каждый раз, когда слышат, что у меня есть сестра-близнец. На различных мероприятиях и встречах стоит мне упомянуть об этом, и разговор тут же заходит о близнецах в семье того или иного человека, неважно, зачатых естественным или искусственным путем, или что у чьей-то бабушки Маргарет тоже был брат-близнец, но умер при родах. Мне это нравится, потому что только и нужно что кивать да улыбаться, а это намного легче, чем самому рассказывать и отвечать на их вопросы. Но Уолли, что удивительно, похоже, один из немногих людей на земле, которому нечего добавить к разговору о близнецах.

– Роуз – моя половинка, – объясняю я.

Уолли смотрит на меня недоуменно.

– Половинка?

– Ну, ты знаешь. Половинка. Как жена, или муж, или ребенок. Парень или лучший друг. Кого ты укажешь как контакт на экстренный случай, с кем можно поделиться сокровенным. Тот, на кого можно положиться.

Уолли откручивает крышку и делает глоток воды.

– Интересно, – размышляет он.

Разговор начинает сходить на нет, и я решаю, что пора переходить к следующей стадии свидания. Удивительно, но я знаю, что должно произойти. Вчера вечером, готовясь к свиданию, я устроила себе марафон романтических комедий, чтобы научиться, как должно протекать свидание. Применяв научный подход, я сделала множество заметок к каждому фильму и, сравнив их, обнаружила много общего. Первый этап каждого свидания был либо немного скучным, либо полной катастрофой, например если человек опаздывал или одевался совершенно неуместно. На следующем этапе каждый участник делился чем-то личным, а на заключительном неизменно происходил какой-нибудь странный инцидент. Например, птица прилетела полакомиться едой влюбленных или кто-то случайно пролил напиток на собеседника, что вызывало у героев бурю смеха, и неизбежно к концу фильма их отношения переходили в романтические. Таким образом, я пришла к выводу, что этап со странным инцидентом – самый важный.

Я оглядываюсь по сторонам в поисках того, что могло бы послужить поводом для сумасбродного недоразумения, и, так и не дождавшись ничего подходящего, открываю бутылку с водой и выливаю ее содержимое на оставшуюся еду. В растерянности, не зная, что делать дальше, я откидываю голову назад и громко смеюсь. Уолли бросается спасать еду.

– Какого?.. Ферн, ты в порядке?

Его произношение становится особенно совершенным из-за звучащего в голосе недоумения.

Мой смех затихает до неуверенного хихиканья.

– Я... я не знаю.

– Знаешь, кажется, ты самый странный человек из всех, кого я встречал, – говорит Уолли, качая головой. И в тот момент, когда я уже подумала, что все пошло наперекосяк, он смеется. – Поверить не могу, что говорю это, но... мне нравится!

Час спустя, когда мы с Уолли уже собираем вещи, меня вдруг охватывает раздражение. Я пытаюсь понять почему, ведь свидание – по крайней мере, по сравнению с катастрофическими свиданиями из пересмотренных мною комедий, – однозначно было успешным, как вдруг Уолли начинает размахивать руками у меня перед лицом.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

Он протягивает мне телефон.

– Тебе звонят.

– О! – Это объясняет мое раздражение. Звук телефонного звонка – один из самых противных в мире, такой резкий, повторяющийся, сопровождающийся вибрацией. К счастью, мой телефон звонит редко. Роуз отправляет мне текстовые сообщения только в экстренных случаях, а если звонит кто-то другой, я отправляю его на голосовую почту. Но, взглянув на экран и увидев, что звонит Роуз, я чувствую, как сердцебиение мое участилось. Она звонит. Значит, это срочно. Я прижимаю телефон к уху.

– Что такое, Роуз?

– Боже, наконец-то! Надеюсь, я тебя не напугала тем, что звоню? Просто я только что говорила с нашей соседкой, и она сказала, что Альфи много лает.

Я перебираю в голове причины, по которым Роуз стала бы звонить аж из Европы, чтобы сообщить мне о таком.

– Утром, когда ты его кормила, с ним все было хорошо?

Меня охватывает дурное предчувствие.

– Я не кормила его сегодня утром.

– Не кормила?! – недоумевает Роуз. – Почему?

– Почему? – повторяю я, пытаюсь понять смысл вопроса, но безуспешно.

– Ферн, – говорит Роуз, – скажи мне, что ты кормила и выгуливала Альфи?

– Я... я не понимаю, – отвечаю я. – Почему ты хочешь, чтобы я это сказала?

Наступает долгое молчание, за которым следуют длинные, но тихие ругательства. Я жду, внезапно почувствовав себя нехорошо.

– Ферн! Я же хотела отдать его в питомник! – говорит Роуз прерывающимся и взволнованным голосом – таким голосом она разговаривает с людьми, когда ей не доставляют какую-нибудь посылку или когда ей выставляют завышенный счет за электричество. Со мной она практически никогда так не говорит. – Но ты настояла! Сказала, что будешь присматривать за Альфи!

Я ничего такого не помню. Но если Роуз говорит, что я так сказала, значит, так и было. На мгновение я задумываюсь о последствиях. С тех пор как она уехала, прошло четыре дня. Четыре дня Альфи без еды и выгула. Я рыщу в чертогах своей памяти информацию о том, как долго собаки могут жить без еды и воды. Тщетно. Мне становится нехорошо.

Роуз щелкает языком, как она обычно делает, когда нервничает.

– Что же теперь делать? – спрашивает она.

Я смотрю на Уолли, он пристально за мной наблюдает.

– Ты сказал, что твой фургон недалеко?

Он кивает.

– Роуз, – говорю я в трубку, – я еду к тебе домой.

Как выяснилось, Уолли очень эффективен в планировании и управлении временем. Когда я объяснила ему, что произошло, он предложил сбегать за фургоном (он в прямом смысле побежал), пока я соберу покрывала и еду. К тому времени, когда я распахиваю все по сумкам и выхожу к воротам парка, Уолли уже ожидает меня в своем оранжевом, винтажного вида фургоне «Комби». Он открывает пассажирскую дверь изнутри.

– Куда ехать? – спрашивает он, и я показываю ему дорогу к дому Роуз, что в пятнадцати минутах езды от Ботанического сада. Он не включает радио и, к моему облегчению, молчит всю дорогу, за что я ему очень благодарна, поскольку мне нужно сохранять ум ясным и сосредоточиться на собаке. Не то чтобы я была сейчас способна много думать. От волнения мне становится дурно. Я обхватываю себя руками, пытаюсь сохранить спокойствие. От меня не будет никакого толку для Альфи, если я не возьму себя в руки.

Мы подъезжаем к дому Роуз и Оуэна, все выглядит как прежде. Должно быть, кто-то забирал почту, потому что из почтового ящика ничего не торчит. Интересно, почему Роуз не попросила того, кто забирает почту, кормить и выгуливать собаку? Тогда бы с Альфи все было хорошо. Уолли выходит из машины первым.

– Где он может быть?

– В саду, – отвечаю я.

Уолли бежит к дому, распахивает калитку. Я же с трудом шагаю вслед за ним, по-прежнему обнимая себя за плечи. Я захожу на задний двор и обнаруживаю Альфи лежащим на своей собачьей подстилке на веранде. Он абсолютно неподвижен. Я пытаюсь сделать шаг к нему, но застываю на месте.

Он не двигается, совсем. Я вижу его. Чувствую его волосы и кожу на своих руках. Влажная мертвая плоть.

Я сделала это снова.

Уолли опускается на колени рядом с Альфи.

– Он жив. Все в порядке, Ферн, он жив.

Я киваю, но облегчения особого нет. Альфи жив. Не всем так везет.

– Миска из-под воды сухая, – продолжает Уолли. – Где здесь шланг?

Я не отвечаю. Уолли осматривается и сам его находит.

– Нужно отвезти его к ветеринару, – говорит мне Уолли, наполняя миску водой. Я по-прежнему не могу произнести ни слова, и тогда он говорит: – Ферн? Ферн, послушай меня!

Его голос наконец выводит меня из оцепенения.

– Да, хорошо. К ветеринару.

Уолли ставит перед Альфи наполненную миску с водой. Пес не пьет, и тогда Уолли набирает воду в ладони и подносит к морде пса. Альфи немного пьет, и тогда мой спутник берет его на руки, будто новорожденного младенца.

– Ферн, – обращается он ко мне, – можешь открыть дверь фургона?

Я открываю. Когда я пристегиваюсь на пассажирском сиденье, Уолли протягивает мне Альфи, укладывая так, чтобы голова его покоилась на моем локте. Весь процесс означает, что Уолли должен прикоснуться ко мне по меньшей мере несколько раз, но тем не менее я от него не отшатываюсь.

У ветеринара густые седые брови. Я наблюдаю за ними, пока он говорит, как сильно Альфи повезло. Очевидно, что он обезвожен (пес, не ветеринар), но спустя несколько часов под капельницей ему намного лучше. На самом деле ветеринар больше обеспокоен тем, как вообще такая путаница произошла. Говорит, что в таких случаях обычно звонит в Королевское общество защиты животных, а там уж проверят, адекватные ли у него хозяева, но Уолли

удается уверить его, что с нами Альфи в безопасности и что мы о нем позаботимся. Он на удивление убедителен. Под конец я сама ему почти поверила.

– Уверю вас, – говорит он, – это все ужасное недоразумение. Альфи в отличных руках. Я смотрю на свои руки. Когда я снова поднимаю глаза, ветеринар смотрит на меня.

– Вы работаете, мисс Касл?

– Да, – отвечаю я. – Я библиотекарь.

– Значит, большую часть дня вас нет дома?

– Да, но...

– Я побуду с Альфи, пока она на работе, – встревает Уолли. – Я догситтер. Глаз с него не спущу.

Я смотрю на него удивленно, но он старательно не смотрит в мою сторону. Ветеринар переводит взгляд с Уолли на меня и обратно. Наконец, выдохнув, он соглашается:

– Ему нужно давать воду маленькими глотками каждый час на протяжении нескольких дней. Я дам вам электролитный порошок. Если не будет пить, дайте ему полизать кубик льда. Привезите его ко мне через пару дней, я бы хотел убедиться, что о нем заботятся. Договорились?

– Хорошо, – отвечаем мы с Уолли в унисон.

– Запишитесь на прием на регистратуре. Жду вас через два дня.

Мы оба киваем, и через несколько минут ветеринар отдает Альфи нам на попечение.

По дороге домой мы заезжаем к Роуз, чтобы взять корм для Альфи, поводок и миску для воды, после чего я звоню сестре. Все прошло лучше, чем я ожидала. Роуз успокаивается, узнав, что с Альфи все хорошо. Она извиняется за то, что рассердилась, и корит себя – нужно было отдать пса в питомник, как она и планировала. Я отвечаю ей, что забираю Альфи к себе, он поживет у меня до тех пор, пока она не вернется. Не знаю, почему не предложила это сразу, когда Роуз просила присмотреть за ним. Жаль, я не помню.

– Как Оуэн? – спрашиваю я.

– Отлично. Передает тебе привет.

– Передай ему тоже.

– Хорошо.

– Хорошо проводишь время?

– Да, все прекрасно. Но я скучаю по тебе.

– Я тоже по тебе скучаю.

Я быстро завершаю разговор, отчасти потому, что Роуз занята с Оуэном, а также кажется невежливым болтать по телефону, пока Уолли сидит рядом. Я поговорила с сестрой, но душа все равно болит от всего, что произошло. Все могло быть гораздо хуже. Еще несколько часов – и...

– Перестань об этом думать, – говорит Уолли.

– Не могу.

– Главное, с Альфи все в порядке, так?

– Пока, – отвечаю я.

– Пока? – смеется Уолли. – Планируешь навредить ему?

Такое необязательно планировать, я думаю.

– Не помню, чтобы Роуз просила меня. Ничего такого, и это больше всего меня пугает.

– Ну, может, она забыла попросить? – предполагает Уолли. – Она готовилась ехать за границу – наверняка у нее на уме был миллион дел. Может, просто вылетело из головы?

Я качаю головой.

– Роуз ничего не забывает.

– А ты забываешь?

– Да. Регулярно.

– А вот это удивляет.

Да уж, меня тоже, причем всегда.

– Временами это утомительно, – признаю я. – Все время беспокоиться, что я могу что-то забыть или что могу сделать что-то не так, если оставить все на меня. – Обычно я не веду таких эмоциональных бесед и сейчас чувствую себя немного некомфортно. Может, это побочный эффект от свидания?

– Почему ты думаешь, что можешь что-то сделать не так? – спрашивает Уолли.

– Опыт прошлого, – отвечаю я, когда мы сворачиваем на мою улицу. Я указываю на свой дом. – Я живу вот здесь.

Уолли останавливается перед домом. Он поднимает ручной тормоз, а затем одним ловким движением водружает очки обратно на нос – жест, успевший стать его визитной карточкой.

– Как же ты живешь с этим страхом?

На такой вопрос хорошего ответа не существует.

– Просто... живу. А какой у меня выбор?

– Ого, – говорит Уолли, – это смело.

Я не знаю, что на это ответить. Кажется, самое время сменить тему.

– Ты это серьезно говорил, что присмотришь за Альфи, пока я буду на работе? – спрашиваю я.

– Я не говорю того, чего не собираюсь делать.

– Что ж, тогда... увидимся в понедельник утром? В девять?

Уолли согласно кивает, и я осторожно выскальзываю из фургона, держа Альфи на руках. Наблюдая, как он уезжает, я ловлю себя на мысли, что испытываю некое удовлетворение. Что же с этим миром не так, если кто-то вроде меня может остаться довольным после того, что сделал?

Я засыпаю быстро, но просыпаюсь резко, ловя ртом воздух.

Мгновенно ориентируюсь, где я. Ни долгого пробуждения, ни замешательства. Я знаю, где нахожусь. Знаю, что это был сон, хотя по-прежнему ощущаю холодное влажное тело в своих руках, брыкающееся и извивающееся, а я все сжимаю его до дрожи в пальцах. И знаю, что это был не просто сон. Это воспоминание. Предупреждение. Большею частью это напоминание. Не беги впереди паровоза, Ферн. Помни, на что ты способна.

Будто я смогу забыть.

На часах 3:43 утра. До рассвета еще несколько часов. Если я сейчас лягу на другой бок и быстро засну, то, может, удастся еще немного поспать. Видит бог, мне нужно поспать. Еще три недели без Роуз. Как мне это пережить?

Дневник Роуз Ингрид Касл

Я будто попала в сон. Оуэн встретил меня в аэропорту с распростертыми объятиями – и с букетом пионов. У некоторых пар есть своя песня, знаете? Так вот, а у нас есть свой цветок – пион. Он подарил мне букет пионов на нашем первом свидании, они же украшали мой свадебный букет. На протяжении многих лет – этой весной будет четыре – по каждому особому случаю, будь то повышение на работе, годовщина или день рождения, мы дарили друг другу пионы.

Бросив все мои вещи в его квартире в Фулхэме, мы сразу же отправились ужинать в одно очень модное местечко в районе Челси. А когда мы вернулись к нему, я проверила аптечку и постельное белье в прачечной на предмет запаха духов. И там и там чисто. Оуэн сказал все, что я надеялась услышать: что он скучает по мне, что несчастен без меня. Мы занимались любовью всю ночь и на следующее утро, и все последующие ночи. В Лондоне секс был лучше, тут мы сошлись во мнении. Было что-то этакое в северном полушарии. Все было идеально.

Кроме ситуации с Ферн.

Я виню себя. Нельзя было оставлять Альфи на ее попечение. Если мыслить здраво, то надо было организовать все как можно проще для нее – не нарушать ее привычный распорядок. Но временами Ферн казалась такой многофункциональной, что это ложное чувство безопасности даже меня могло сбить с толку. Тем не менее эта ситуация не сильно меня огорчила, ведь с Оуэном дела идут очень хорошо. Я стараюсь не думать о том, что скоро мне придется вернуться домой.

Любой уход или отъезд для меня как спусковой механизм. А почему? Правильно, угадали! Мама. С тех пор как нам стукнуло восемь, она то и дело грозилась уйти. Именно так она порой реагировала на наши поступки или слова – например, когда мы болели или просто переживали из-за контрольной в школе. (Не то чтобы мы жаловались или признавались – к тому времени мы уже усекли, что собственные проблемы иметь нам не позволялось.) А иногда она угрожала и без причины.

– Что-то вы сегодня хмурые, – говаривала она. – Если все так плохо, может, мне просто уйти? Очевидно, это из-за меня у вас такая ужасная жизнь.

И каждый раз, когда она грозилась уйти, я плакала, хоть и понимала, что не нужно этого делать. Плакала настоящими слезами, что идут из глубины души, которыми давишься, пока не начнешь задыхаться. Бывало, я плакала так сильно, что меня рвало. Поверьте, я боялась маму. Я мечтала, чтобы она стала более доброй и любящей, похожей на других матерей. Но я никогда не мечтала, чтобы она ушла от нас.

– Чего ревешь? – кричала она. – Я думала, ты визжать от восторга будешь, если я свалю.

Она делала вид, что расстроена, но, думаю, ей нравилось видеть, как я плачу. Мои слезы подтверждали ее важность, она чувствовала себя достойной мамой. Когда, после всей драмы, мама все же соглашалась остаться, я принимала это как победу. Я полагала, что именно своей преданностью ей я удерживаю ее рядом.

Но чем старше мы становились, тем более непостоянной она была. Вскоре мамино настроение стало определять мой день. И не важно, что она чувствовала – я все равно была в ужасе. Если она была счастлива, я боялась все испортить. Если она была недовольна, я боялась, что она обвинит меня. Если ее не было рядом, я боялся, что она ушла навсегда. Любое другое настроение – я в ужасе ожидала, что она придумает новые муки.

Больше всего она любила издеваться надо мной из-за еды.

– Опять на кухне, Роузи-Пампушка? – припевала она по малейшему поводу, глядя на меня игриво. – Знаешь, как говорят? «Сейчас вкусняшка, а потом жир на ляжках».

Если бы мне хватило смелости показать ей, что подобные комментарии меня расстраивали, то в ее глазах я была бы слишком чувствительной, что для нее непроситительно. И это было до того, как у меня нашли диабет и мне хотелось есть и пить постоянно. Я старалась не есть слишком много и, конечно, не хотела наткнуться на мамину критику, но ничего не могла с собой поделать. Я неизбежно снова оказывалась на кухне. Не важно, что Ферн ела вдвое больше меня, ей мама и слова не говорила. Однажды я спросила ее, почему она не делает Ферн замечаний, а она просто пожала плечами, будто ответ очевиден: «Потому что Ферн может позволить себе есть, все что захочется, у нее мой метаболизм».

Она была права – внешне Ферн была копией мамы. Обе высокие и такие худые, что локтем нечаянно могли бы проткнуть человека насквозь. У Ферн были мамины волосы, волнами ниспадавшие на плечи, золотистые с медным отливом. Я не понимала, как мы можем быть близнецами. Рядом с Ферн я чувствовала себя неприметной подделкой, причем началось это до того, как мама решила обратить на это мое внимание.

На наш девятый день рождения произошла очередная ссора, на этот раз из-за торта, который мама приготовила по рецепту из «Женского еженедельника». Каждый год мама пекла нам шикарный торт – очередное противоречие. Для нее это был источник большой гордости, она любила все, что позволяло ей чувствовать себя хорошей матерью. И эта традиция требовала большой работы: выбор торта, который она хотела испечь, покупка ингредиентов, поиск советов и рекомендаций. В том году она решила, что это будет торт в виде единорога – самый сложный из всех, что она пробовала готовить. Перед этим она побывала в трех разных магазинах, чтобы найти подходящую форму для выпекания, потом в еще одном, чтобы купить глазурь и золотой съедобный рог. Это было приятное времяпровождение для всех нас, и не потому, что мы с Ферн старались ради торта, а потому, что процесс приготовления делал маму счастливой.

Как обычно, на кухню нас не пустили, пока готовился торт, а пригласили только на волнующее «открытие», когда все было готово. Торжественное открытие было любимой маминной частью. Мы должны были визжать от радости, благодарить ее и задавать миллион вопросов о том, как она это сделала – даже Ферн, казалось, понимала, как нужно себя вести. В этот день рождения мы блестяще исполнили свои роли, и мама выглядела очень довольной, и это, в свою очередь, означало, что я разрывалась между счастьем и страхом, что что-нибудь произойдет и все будет испорчено.

После того как мы спели «С днем рождения!», мама сфотографировала нас с Ферн перед тортом, а потом отправила меня за тарелками. Заглянув в буфет, я так мучительно долго размышляла, взять ли «хорошие» или пластиковые, что была уверена, мама сейчас набросится, какого черта я там вожусь. Когда я, наконец, достала хорошие тарелки, она лишь одобритительно кивнула. Облегчение было настолько велико, что я потеряла бдительность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.